

Амир Рахматуллин

18+

18+

**НАСЛЕДИЕ
НЕЧЕСТИВЫХ**

Амир Рахматуллин
Наследие Нечестивых

«Издательские решения»

Рахматуллин А. И.

Наследие Нечестивых / А. И. Рахматуллин — «Издательские решения»,

Добро пожаловать в мир «Наследия Нечестивых». Здесь плач исходит от чудовищ, а люди разучились проливать слёзы. Здесь спасение похоже на предательство, а союз рождается из взаимного долга, скреплённого кровью. Здесь ты пойдёшь рядом с теми, чьи души — сплошные шрамы, и будешь искать ответ на единственный вопрос: что ты сбережёшь, когда беречь уже нечего? Женщина с шрамом на лице, красноглазый мальчик, излучающий абсолютную уверенность диктатор. Их судьбы на веки будут связаны в нечестивом мире.

Содержание

Амир Рахматуллин	6
Часть I. Дорога в никуда	7
Последний аргумент	7
Лицо под маской	19
Новая кровь	27
Сон Серафимы I	36
Лик больницы	53
Металл во тьме	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наследие Нечестивых

Амир Ильдарович Рахматуллин

© Амир Ильдарович Рахматуллин, 2026

ISBN 978-5-0069-1125-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амир Рахматуллин
Роман: Наследие Нечестивых

Часть I. Дорога в никуда

Последний аргумент

Мрак, бесконечный и всепоглощающий, наступил не внезапно. Ему предшествовала долгая, мучительная агония самого человечества. Раньше источником зла были лишь люди. Они годами оскверняли землю своей алчностью, глупостью и жестокостью, сея семена будущей гибели и порождая всё новое и новое зло, которое копилось в самых тёмных уголках мира, как гниль в невоскресшей ране. Но в один день, ставший точкой невозврата, всё изменилось. В мир пришло нечто, что не поддавалось ни логике, ни науке, ни самой отчаянной человеческой вере. Это не было войной в привычном понимании, где есть враги и тактика. Это не была и эпидемия, которую можно было бы сдержать карантинном или победить вакциной. Это было нечто принципиально иное. Необъяснимое. Худшее, что только можно было вообразить, и при этом — громкое в своей чудовищной реальности.

Люди в Джексон-Тауне не просто начали болеть или сходить с ума от ужаса. Они начали перестраиваться. Это был процесс одновременно медленный и стремительный, словно сама природа отвергала человеческую форму. Их тела деформировались, ткани начинали жить своей собственной, извращённой жизнью, а разум угасал, утопая в кровавом тумане, уступая место лишь примитивному, неутолимому голоду. Кости ломались и срастались заново под неестественными, выворачивающими углами, создавая силуэты, бросившие вызов всем законам биологии. А из горла, разрываемого внутренним давлением, кроме густых тёмных, почти чёрной субстанции, вырывались лишь звуки — не крики, а именно звуки. Протяжный хриплый скрежет, будто ломаются ржавые шестерни внутри груди, и раздирающий душу, тоскливый, безнадежный плач. Этот плач был похож на звук плоти, шлёпающейся на асфальт, или на последний стон того, что когда-то было личностью, — жалкий остаток сознания, запертого в аду собственного тела. И в этой кошмарной трансформации стало предельно ясно лишь одно: это уже не были люди.

Выжившие до сих пор спорят в тёмных углах своих убежищ, почему этих тварей прозвали «Нечестивыми». Одни, более набожные или отчаявшиеся, шептали, что происходящее — кара Господня, ниспосланная за грехи, финальный акт запоздалого правосудия божественного существа. Другие дали им это имя из-за самого звука их существования — того дикого, пронзительного плача, который осквернял саму тишину и леденил кровь. Третьи, самые отчаянные философы среди нас, пытались убедить себя, что настоящие люди где-то там, внутри, стали заложниками этих оживших мертвецов, и именно они, пленники, и плачут, безуспешно стучась в дверь собственного осквернённого сознания.

Но как бы мы ни называли этот ужас, как бы ни пытались его осмыслить, факт оставался неумолимым. Надвигающаяся серая масса захватывала пространство методично и безжалостно: район за районом, квартал за кварталом, дом за домом. И спустя окутанное мраком количество времени, шумный, полный жизни город Джексон-Таун, который люди когда-то с гордостью называли домом, превратился в безмолвную грудку обломков. В этих руинах не осталось ничего от прежнего мира — ни тепла, ни следов человека. А вместе с ними исчезли надежда и сама человечность. Только пыль, кровь и вечный полумрак.

Джексон-Таун был не просто «захвачен» или «заполнен» Нечестивыми. Он кишел ими. Они кишели в его развалинах, как личинки в разлагающемся теле. Улицы, когда-то заполненные машинами и пешеходами, парки, где смеялись дети, подъезды домов — везде, куда только падал взгляд, копошилась, шевелилась и ползала эта быстрая, демоническая тьма. Их тихие, индивидуальные стоны, полные непонятной тоски и ярости, сливались в единую, монотонную

и оттого ещё более жуткую симфонию. Эта симфония смерти не стихала ни днём, под бледным, безразличным солнцем, ни ночью, когда мир и без того погружался в пучину.

Но ночью становилось в разы хуже. В их бесцветных, затуманенных глазах, словно отблеск далёкого адского пламени, проступали яркие, кровавые очертания зрачков. Их мутные глаза, днём блуждающие и рассеянные, делались острее, целенаправленнее, будто они лучше видели в темноте. И сами твари в крошечной тьме преобразались, становясь стремительнее, агрессивнее, тише и оттого — неизмеримо жутче. Город был мёртв, но его гнилостное дыхание, этот смрад разложившейся плоти, смешанный с запахом чего-то химически чуждого, ощущался за много миль, как предупреждение и как приговор.

И вот, по какому-то странному, невероятному и, возможно, жестокому капризу судьбы, именно Саманте Аран удалось вырваться из самой гущи этой мясорубки. Её спасением, иронией ли судьбы или её последней шуткой, стала городская больница Святого Луки — огромный, многоэтажный лабиринт из некогда стерильных белых коридоров. Место, которое когда-то символизировало надежду на исцеление, теперь стало всего лишь временным, ненадёжным укрытием для таких, как она: раненых, загнанных, обречённых.

Истекая кровью и теряя сознание от боли, она всё же сумела забаррикадироваться на предпоследнем этаже, в ортопедическом отделении. Это место по воле случая оказалось дополнительно огорожено со стороны внутреннего двора массивным, старым металлическим забором — реликтом времён, когда больницу расширяли. Этот ржавый барьер отделил её от внешнего ада, став единственной, хлипкой защитой. Каждую ночь она лежала, прислушиваясь к тому, как он скрипит и стонет под натиском десятков тел, и молилась, чтобы он продержался ещё один час. Ещё одну ночь.

Одна из палат, с выбитой дверью и разгромленной мебелью, стала её жалким пристанищем на несколько долгих, мучительных недель. Её нога, прошитая насквозь пулей во время побега, была не просто ранена — она была прострелена. Пуля вошла выше колена и вышла, к счастью, не задев кость, но оставив после себя значительную рану. Каждый прожитый час, каждый новый день приходилось оплачивать усиливающейся, пульсирующей болью, которая становилась её единственным спутником и самым честным напоминанием о приближающемся конце. Страх смерти был уже не абстрактным понятием, а вкусом крови на губах и холодом в животе.

Но, как известно, любая удача, даже самая крошечная, рано или поздно иссякает. Её иссякала с каждым потухающим лучом света за окном. Она чувствовала это каждой воспалённой клеткой своего тела, каждым нервом, звонким от боли. И сегодня утром прозвучал тот самый, ожидаемый и оттого ещё более страшный звук. Из глубины больничного двора донёсся звук, от которого кровь буквально застыла в её жилах: оглушительный, протяжный скрежет рвущегося металла, затем — хриплый, победный стон, перешедший в рёв, и подхваченный им всеобщий, ликующий и плачущий вой. Это могло означать только одно. Массивный забор, последняя преграда между ней и ордой, пал. Нечестивые ворвались во внутренний двор, а значит, дорога в само здание больницы для них была теперь открыта. У неё не осталось припасов — последняя банка тушёнки была съедена вчера, вода во фляге давно превратилась в тёплую грязь. Её нога отказывалась держать вес. Всякая, даже самая бредовая надежда выбраться отсюда живой начала на глазах рассыпаться в прах.

Они уже здесь. Она знала это. Саманта судорожно ухватилась дрожащими руками за свою распухшую ногу. Боль пронзила тело, заставив зубы сомкнуться. Нога была как колода. Голова гудела, в висках стучало. Бог знает какой по счёту день в этой каменной ловушке. Припасы кончились. Она не выживет. Просто не выживет.

И будто в ответ на эту немую капитуляцию, из глубин коридора донёсся долгий, глухой, влажный стон. Он был уже не снаружи, не из двора. Он плыл по воздуху, наполняя его запахом крови, сырости и тления. К этому стону стали примешиваться другие звуки: отдалённый, но

чёткий скрежет металла об металл — они ломали двери? шкафы? — и, самое ужасное, тихие, шаркающие, неспешные шаги. Они уже не топтались где-то там, за толщей бетонных стен. Они были здесь, в больничном коридоре, всего в десятках метров от её запертой двери. Медленные, влажные, волочащиеся звуки, будто по линолеуму тащили несколько тяжёлых мешков. Воздух в палате, и без того спёртый, начал стучаться, физически тяжелеть, пропитываясь до тошноты знакомым смрадом — сладковатым запахом гнилой плоти с едкой, химической ноткой, похожей на хлорку, смешанную с кислотой.

Она затаила дыхание, вжимаясь спиной в шершавую, холодную поверхность стены. Всё её существо сосредоточилось на узкой полоске света под дверью. Остекленевший от ужаса взгляд впился в эту щель, выхватывая из темноты коридора искажённые тени. Они двигались. Они приближались. Они были уже в конце коридора. Она прижалась к полу, чувствуя, как холодный линолеум проникает сквозь одежду. В её ледяной ладони судорожно сжимался единственный «аргумент» — окровавленная, с погнутым лезвием отвёртка, подобранная в подсобке. Жалкий, смехотворный последний довод в споре с целым миром, сошедшим с ума. Мысль о том, чтобы покончить со всем прежде, чем эта дверь откроется, мелькнула яркой и притягательной, как вспышка. Но инстинкт, грязный, низменный, животный инстинкт выживания, оказался сильнее. Она пересилила себя, переборола этот миг слабости, и решила бороться. Хотя бы ещё минуту. Хотя бы до последнего вдоха.

В этот миг, прямо у самой двери её палаты, раздался скрежет — не просто звук, а ощущение. Что-то огромное, тяжёлое и сырое с силой прижалось к тонкой деревянной преграде, заставив её дрогнуть. Дверная ручка, тугая и ржавая, слегка, почти незаметно, качнулась.

— Пригнись!

Резкий, отрывистый, женский голос, полный нечеловеческой собранности, прорезал гулкую, налитую ужасом тишину. В тот же миг, прежде чем мозг успел обработать этот приказ, оконное стекло над её головой с оглушительным треском разлетелось на тысячи острых осколков, которые, сверкая, посыпались на пол и на неё.

Она вжалась в пол, зажмурившись. Прежде чем страх успел парализовать окончательно, в проёме разбитого окна, обрамлённом зияющими зубьями стекла, возник силуэт. Высокий, собранный, без единого лишнего движения. На нём была тёмная, плотная одежда, а лицо скрывал натянутый капюшон. В вытянутой, обтянутой перчаткой руке, твёрдой как скала, был зажат массивный револьвер с удлинённым, смертоносным стволом. В этот последний миг ясности, перед тем как сознание начало стремительно ускользать в тёмную, мягкую пустоту, её взгляд успел выхватить одну деталь: лицо незнакомки, точнее, то, что его скрывало. Оно было плотно, до неузнаваемости, завёрнуто в грязные, осыпающиеся бинты, из-под которых виднелись лишь пристальные, холодные глаза. И потом — провал. Тьма поглотила её целиком, без остатка, как волна.

Первым, что вернулось к ней из небытия, был запах. В нос, ещё не готовый к реальности, ударил резкий, свежий запах крови — не старой, запёкшейся, а именно свежей, медной и тёплой. Он смешивался со знакомой вонью из её собственной раны и едкой пылью, взметнувшейся после взрыва стекла и выстрелов. Мокрые волосы хаотично колыхались, закрывая лицо — от сквозняка? От её же прерывистого дыхания? Ритм этого колыхания странным образом совпадал с последними, затихающими звуками снаружи — предсмертными хрипами, короткими, тяжёлыми падениями тел о пол. Потом наступила тишина. Не полная, а тяжёлая, звенящая, насыщенная недавним насилием. Пыль начала медленно оседать в луче бледного света, пробивавшегося через разбитое окно. А холод, вечный житель этой больничной могилы, снова заполнил помещение, не оставляя в нём ничего, кроме безнадёжности и непроглядного мрака. Она была жива. Но в этом новом, тихом ужасе это почти не чувствовалось победой.

Тьма была густой, липкой и безвоздушной, словно её вылили в комнату и дали застыть. Вторым, что пробилось к сознанию женщины после обоняния, стал голос — низкий, тихий и намеренно раздражённый, без единой ноты тепла или сочувствия.

— Ты должна встать. Сейчас же. Нам не выжить, если ты в такой момент будешь лежать на кушетке! — проговорила незнакомка с убийственным, ледяным спокойствием.

Саманта попыталась открыть глаза, но веки были свинцовыми. Всё тело ныло, а в виске отдавалась тупая, ритмичная боль — эхо недавнего падения.

— Я... — её собственный голос прозвучал хрипло, чужим и слабым, будто доносясь из соседней комнаты.

— Молчи! Не трать силы на слова. Тебе надо встать, ты понимаешь меня?! — голос звучал резче, как удар хлыста. — Я обработала твою ногу и перевязала её, но на то, чтобы боль ушла, нужны недели, если не месяцы покоя. У нас нет и десятой доли этого времени. Встать. Сейчас.

Взгляд Саманты медленно, с трудом прояснялся. В глазах, застилаемых слезами от боли, мелькали отражённые огоньки от фонаря незнакомки, вызывая резкий, неприятный дискомфорт. Она попыталась приподняться, её рука нащупала плечо спасительницы и опёрлась на него. Опираясь, она почувствовала под тканью не женскую хрупкость, а стальную, упругую силу тренированного солдата. Незнакомка была одета в поношенную, но хорошо сидящую армейскую форму, плотно облегающую фигуру. Лицо скрывали несколько слоёв грязноватых белых повязок, за которыми угадывались только два участка: удивительные, пронзительно-синие глаза цвета мирного, забытого неба и алые губы. Из-под края повязки на затылке выбивалась прядь тёмных, шёлковых волос, слегка запачканных бурым налётом.

С первым же совместным, мучительным усилием незнакомка подняла Саманту, почти подхватив её. Они сделали первый, нетвёрдый шаг. Времени на раздумья, на благодарность или на вопросы не было. Шаг, второй, третий. Преодолевая волны тошноты, головокружения и пронзительную боль в ноге, они, поддерживая друг друга, смогли доплестись до лестничной клетки — узкой бетонной шахты, которая сулила им более или менее безопасный путь к выходу. Тишина на лестнице, состоявшая лишь из сдавленных стонов Саманты и тяжёлого, но беззвучного дыхания её спасительницы, не играла им на руку, но всё же давала призрачное преимущество скрытности.

Преодолевая пролёт за пролётом, ступеньку за ступенькой, они наконец спустились на первый этаж. Картина здесь была уже не просто пугающей — она была апокалиптической. Пол больше не был лишь местами залит кровью; он представлял собой сплошную, липкую, уже начинающую густеть массу, в которой местами плавали обрывки одежды и неопознанные фрагменты. На стенах, словно гобелены ада, были размазаны тёмные следы и прилипшие разлагающиеся остатки, всё это было пропитано едкой, жёлтой, похожей на грибницу жижей. Мрачный, мерцающий свет аварийных ламп или пробивающийся сквозь грязь на окнах день создавал гнетущую, давящую атмосферу, усугубляющую и без того безнадежную ситуацию.

Их взгляды упали на цель — тяжёлую, металлическую, покрытую рыжей ржавчиной дверь, ведущую, судя по всему, во внутренний двор или подсобку. Она была закрыта на небольшой, но выглядевший прочным висячий замок. Незнакомка помогла Саманте осторожно опереться о липкую стену, а сама, не теряя ни секунды, принялась открывать замок маленьким, поблёскивающим серебряным ключом. Её точные, выверенные движения привлекли внимание Саманты. Та смотрела на неё глазами, полными немного непонимания и нарастающей подозрительности.

— Что?! — резко бросила она, даже не оборачиваясь, будто чувствуя взгляд Саманты на своей спине. — Думаешь, я позволила бы себе ворваться в это пекло, не оставив путь назад и не замкнув дверь изнутри? Я и так рискнула всем, чтобы попасть в это место. И не смотри на

меня этими щенячьими глазами! — прошипела она, и в её голосе прозвучала не просто злость, а какая-то давняя, глубокая горечь.

В этот момент прозвенел лёгкий, но отчётливый щелчок, возвестивший об открытии замка. Незнакомка уверенно, с силой толкнула дверь. Но тяжёлое, ржавое металлическое полотно не поддавалось, лишь глухо и коротко прогнувшись. Низкий, скрипучий звук металла, прозвучавший в ответ на её попытку, не оставлял сомнений: дверь была заперта ещё и снаружи. Цепью, брусом, чем-то ещё.

— Чёрт! — вырвалось у незнакомки, и она в ярости ударила по двери тяжёлым носком своего сапога. Звук удара, оглушительный в звенящей тишине, отозвался гулким эхом по всему этажу.

Этот звук был роковой ошибкой. Его услышали. Посторонний, чёткий шум, раздавшийся в мёртвой, но не пустой больнице, встревожил тех, кто дремал в её тёмных углах. Саманта застыла на месте, её сердце будто провалилось в ледяную пропасть; она услышала тихий, откликающийся стон из темноты, который разбудил в ней самые тёмные, самые свежие кошмары.

Из тёмного проёма раздевалки, находившейся напротив, на расстоянии не более двадцати метров, показалась фигура. Нечестивый. Его тело было чудовищно обременено: одна рука неестественно вытянута и заканчивалась чем-то вроде костяного шипа, рот растянут в беззвучном крике, обнажая ряды сломанных зубов, ноги искривлены, будто вывихнуты во всех суставах, а кожа обвисла грязными складками. На торсе зияли несколько гнойных, пульсирующих ран, из которых свисали и тихо шевелились тёмные, отвратительные ткани.

Чудовище, похожее на порождение дантова ада, на изощрённое творение, с характерным хрустом повернуло голову и встретилось взглядом с Самантой. Та от одного этого взгляда, пустого и в то же время невыносимо голодного, готова была провалиться сквозь землю. Её сердце ушло куда-то вглубь, оставляя за собой лишь опустошение и глубинный страх. В то же время внимание незнакомки было всё ещё приковано к упрямой двери.

Реакция монстра не заставила себя ждать. Почти в ту же секунду он изрыгнул из своего разорванного горла дикий, звериный рёв, полный ненависти и боли. Звук отозвался гулким эхом во всём огромном помещении, будто пробудив его. А затем чудовище, странно и стремительно опустившись на четвереньки, бросилось на Саманту, выставляя вперёд свою опухшую, покрытую струпьями и гноем голову. Его рёв мгновенно, как нож, разрезал воздух и наконец-то привлёк полное внимание незнакомки.

В следующее мгновение в её руке уже был узкий, блестящий стилет, напоминавший хирургический инструмент или тонкий кинжал. Она не стала бежать навстречу. Лёгким, почти небрежным, но невероятно точным движением запястья она метнула стилет. Сталь со свистом рассекла воздух и с глухим, хрустящим звуком вонзилась точно в основание горла чудовища. Нечестивый замер на полном ходу, его тело дёрнулось в конвульсиях, и оно рухнуло замертво, издав лишь короткий предсмертный хрип.

Из глаз Саманты сами собой покатались слёзы, смешиваясь с потом и грязью на лице. Её кожа побагровела от ужаса и напряжения. На лице застыла не маска, а смесь шока, отвращения и чистого животного страха. Существо замерло всего в метре от неё, и лишь одно мгновение, одна секунда отделяла её от его холодных объятий и верной смерти.

Но эта победа была пирровой. Рёв Нечестивого, его последний крик, услышали другие. Сливаясь вместе из разных концов коридоров и этажей, их ответные стоны превратились в нарастающую, погребальную мелодию, громкость которой увеличивалась с каждой секундой, приближаясь. Незнакомку бросило в мелкую гневную дрожь. Сделав ещё несколько отчаянных, но совершенно бесполезных попыток выбить или взломать дверь плечом, она застыла на мгновение и прошипела в пространство несколько сдавленных ругательств. Но даже это не сломило её. Она не потеряла своего бешеного напора и, подчиняясь теперь уже чистой, живот-

ной ярости и воле к жизни, принялась колотить по упрямому металлу снова и снова, используя уже всё, что попадалось под руку.

— Всё кончено, — ледяным, опустошённым тоном прошептала Саманта, глядя на сгущающуюся тьму в конце коридора, откуда уже доносился шум многих ног. — Нам не выбраться. Они уже бегут сюда.

— Заткнись и не теряй темпа! — сквозь стиснутые зубы, хрипло прорычала незнакомка, скрывая свою собственную, адскую боль и страх за непроницаемой маской железной воли. — Я сегодня умирать не планировала и не планирую!

Под нарастающий, голодный вой приближающейся стаи и под сдавленные рыдания Саманты, безумные, отчаянные попытки справиться с дверью продолжались. Ползущая и бегущая нежить была уже не в двадцати метрах — она заполняла дальний конец коридора, отделинная от них теперь лишь десятком шагов, которые обещали лишь мучительную, холодную смерть. Незнакомка била по замку, по петлям, по самой двери чем-то тяжёлым, раз за разом, пока наконец не раздался не скрежет, а именно треск — звук ломаемого металла, рвущихся петель. Дверь внезапно поддалась, открывшись вовнутрь с душераздирающим звуком рвущегося, трескающегося железа, открыв проход в вонючий, но свободный от непосредственной угрозы полумрак внутреннего двора.

Не раздумывая ни секунды, незнакомка вцепилась в запястье Саманты и резким рывком потащила её к зияющему проёму. Ловким, отработанным движением она выскочила первой, развернулась и прислонилась спиной к тяжёлой двери, на миг загородив своим телом узкий проход от вырывающихся из темноты теней. Дверь с силой ударилась о её плечо, но она удержала, выиграв для них несколько драгоценных секунд.

Снаружи было пасмурно и сыро. Тусклый свет с трудом пробивался сквозь плотный, желтоватый слой тумана, окутывавшего руины больничного комплекса призрачным саваном. А плотный, вездесущий смог, висевший в воздухе, странным образом напоминал о жизни, о самой природе — пока ещё не полностью подавленной.

— Эй, как там тебя... Самсара... — она споткнулась на имени в бейджике девушки, с силой плюнув в сторону. — Найди что-нибудь, чем можно подпереть эту дверь! Я не смогу держать её вечно!

Через несколько секунд, преодолевая головокружение, Саманта окинула взглядом двор. Её глаза нашли тот самый забор, который когда-то был её единственной защитой. Теперь это была груда искорёженного металлолома, беспомощно валявшаяся в грязи. Взгляд выхватил из груды хлама длинную, покрытую рыжей коррозией, но всё ещё цельную металлическую трубу. Она схватила её, ощутив холод и шершавость ржавчины, и, ковыляя, принесла незнакомке.

Та лишь коротко, одобрительно буркнула «сойдёт», выхватила трубу и одним мощным движением вставила её в проём между массивными ручками двери, создав импровизированный засов. Затем отскочила от створки, которая тут же задрожала под ударами изнутри, но выдержала.

— А теперь слушай меня внимательно, — голос незнакомки стал тише, но оттого ещё более повелительным. — Где-то в нескольких милях отсюда находится моё убежище. Я не задержусь в этой дыре больше ни секунды! — её бинты на лице вздрогнули от резкого движения, на мгновение обнажив край глубокого шрама, ухидившего под повязку.

Нога Саманты пульсировала огнём, каждый шаг отзывался новой волной боли. Но, стиснув зубы, она лишь кивнула дрожащей головой. Они пустились бежать, свернув в правую сторону от больницы, в сторону едва угадывающейся среди развалин и тумана улицы.

Их ноги скользили по мокрому асфальту, усеянному осколками и мусором. Сквозь дымную тьму стали доноситься не только отдалённые стоны, но и хриплые, отчаянные голоса, крики ещё не до конца заражённых людей.

Спустя полтора часа нескончаемого, изматывающего пути они остановились, чтобы перевести дух, около полуразрушенной, брошенной автомойки. Проход к ней был перекрыт ржавой, покорёженной дверью, но из-под неё и из щелей в стенах доносился въедливый, скрежещущий звук металла о металл, вселявший в Саманту ледящий, инстинктивный страх. Рядом с мойкой, на расстоянии сотни метров друг от друга, стояли две машины. Одна — синяя, с потускневшей отделкой и стёклами, заляпанная грязью и чем-то тёмным. Другую, стоявшую дальше, не удавалось рассмотреть из-за наплывавшего густого, молочного тумана.

Взгляд Саманты приковал к себе силуэт. Прямо у колеса синей машины, прижавшись к холодному металлу, сидела и плакала девочка. Её тело тонуло в клубах тумана, но то, что удалось разглядеть, врезалось в память Саманты навсегда. Девочка в синем клетчатом платье с белыми горошинами, лицо спрятано в маленьких, грязных ладонях. Бледная, окоченевшая от страха кожа, тонкие, подрагивающие плечики. Волосы, собранные в две растрёпанные, чем-то заляпанные косички. Казалось, весь этот мёртвый, жестокий мир вторил её беззвучному, детскому отчаянию, её искреннему, разрывающему сердце желанию просто вернуться домой.

Орлиный, опытный взгляд незнакомки видел дальше и оценивал ситуацию холоднее. Она смотрела не на девочку, а на вторую машину — красную, с тонкими чёрными полосами вдоль бортов и прочными, тонированными стёклами. Было ясно, что внутри кто-то есть. Двое мужчин. Средних лет, с неопрятными, густыми бакенбардами и длинными, спутанными каштановыми волосами. В дёргающихся, нервных руках одного из них болталась пустая бутылка. Машину, словно ловушку, окружали несколько фигур: двое мертвецов спереди и трое сзади, медленно, но неумолимо приближаясь.

Незнакомка с сердитым, напряжённым лицом резко дёрнула за рукав отвлекшуюся Саманту и притянула её к себе, к стене мойки.

— Застынь здесь. Не двигайся. Никуда не уходи, — прошипела она, впиваясь в Саманту ледяным взглядом. — Я должна помочь им. Если я не вернусь через пять минут — уходи. Не оглядывайся. Беги. Я смогла вытащить тебя и не допущу, чтобы из-за меня погиб кто-то ещё. Одного раза... уже хватило, — последние слова она прошептала так тихо, что они прозвучали скорее для неё самой, чем для Саманты.

Та лишь косо, с трудом кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Незнакомка, проверяя оружие, растворилась в тумане, двигаясь бесшумно, как тень.

Послеобеденное время уступало место раннему, тяжёлому закату, залившему всё пространство вокруг свинцовым, унылым светом. Эта временная, хрупкая передышка хоть ненадолго, но ослабила гнетущее, давящее напряжение. Всё внимание Саманты теперь было целиком приковано к плачущей девочке. Казалось, какой-то зов, не голос, а чувство, шло от неё, манило к себе. Саманта объясняла этот позыв благородным, материнским порывом, исходящим из самых глубин её израненного сердца.

Оставшись одна в этом враждебном мире, она всё чаще ловила себя на том, что в памяти всплывают отрывки из собственного, уже такого далёкого детства. Воспоминания о том, как её, ещё неопытную и ранимую девочку, часто доводили до слёз. То самодовольные подруги, пытающиеся отнять новую куклу, то родственники, впадающие в раздражение от её детской, неловкой правдивости. Но один случай, один эпизод из школьных лет заставил юную Саманту не просто плакать, а навсегда, фундаментально изменить своё отношение к людям — и к самой себе.

Всё произошло, когда она училась в младшей школе имени Джерикона — в месте, где царил своя, жестокая иерархия, где детская и подростковая жестокость цвела махровым, ядовитым цветом. Юная Саманта не была изгоем, но и не была душой компании; не выскочкой-отличницей, но и не сорванцом или дерзкой проказницей. В свободные от учёбы будни она часто увлекалась физикой, а на уроках иногда показывала недюжинные способности к химии, хотя и не питала к ней особой страсти. Она была, в общем-то... тихой. Не пыталась казаться

кем-то, кем не являлась, обладала обострённым, почти болезненным чувством справедливости и врождённой добротой. Своё скромное, нейтральное место в школьном «стаде» её вполне устраивало. До того момента, пока в её жизнь, а точнее, в её коллектив, не ворвалась Сара.

Сара мгновенно стала любимицей, центром притяжения всего школьного мирка. Она была яркой, громкой, пылала показной жизнерадостностью и ранней, осознанной красотой. Её окружение состояло из таких же самоуверенных ребят. И почему-то именно тихая, ничем не примечательная Саманта привлекла её пристальное, ядовитое внимание. Сначала посыпались насмешки, колкости за спиной. Потом пошли мелкие, но обидные пакости: разорванная куртка в раздевалке, украденный и испорченный учебник, надписи на парте.

Саманта всё терпела, следуя своему главному, выстраданному правилу — не привлекать к себе лишнего внимания! Не давать повода. Но то, в чём её вскоре публично обвинили, перевернуло всё. Это заставило её не просто плакать от несправедливости, а полностью, до самого основания, разочароваться в окружающих людях. И, что было гораздо страшнее, — в самой себе.

Однажды зимним утром, когда воздух в школе был пронизан запахом мокрых пальто и предпраздничной суеты, в учительской раздевалке пропал кошелёк. Не простой, а кожаный, дорогой, а в нём — сумма, для школьного учителя просто неприличная. Начался переполох, тихий и ядовитый. Взгляды коллег стали тяжёлыми, подозрительными. Педагоги, вызванные на срочное «разбирательство», кипели от возмущения и беспомощной ярости. В самый пик этой гнетущей атмосферы Сара, с искусно поддельным сожалением, дрогнувшим голосом, подняла руку.

«Я... я видела, как она копалась в сумке миссис Джессики», — сказала она, и её палец, прямой и обвиняющий, указал прямо на Саманту. Взгляд Сары был холодным, как ледяная крошка, и абсолютно уверенным. В тот миг мир юной Саманты рухнул без звука, словно стеклянный купол. Её увели в кабинет завуча под шквал шёпота и тяжёлые, осуждающие взгляды одноклассников. Она пыталась оправдываться, голос её срывался, слова путались. Но всё было против неё: её болезненная бледность, её привычная тихость, её неумение кричать и спорить — всё это сыграло роль неоспоримой улики.

Кошелёк, конечно, нашёлся позже. Его просто забыли на скамейке у спортивной площадки. Сара, узнав об этом, лишь пожала тонкими плечами и бросила с лёгкой, надменной улыбкой: «Ой, ну бывает. Ошиблась». Никаких извинений. Никаких последствий для лгуньи. Для Саманты же последствия оказались глубинными, невидимыми шрамами на душе. Тот день стал для неё жёстким, беспощадным уроком: мир по своей сути несправедлив, и надеяться в нём можно только на себя. Доверие — это роскошь и одновременно слабость, за которую рано или поздно придётся дорого заплатить. С того дня она начала методично, слой за слоем, прятать свою детскую уязвимость под толстой, непробиваемой бронёй холодности и отстранённости.

Вернувшись мыслями в ледящее настоящее, она оказалась перед мучительным выбором: попытаться помочь этой заплаканной, одинокой девочке или послушаться приказа той, кто только что спасла ей жизнь ценой невероятного риска.

Сделав над собой невероятное усилие, втянув в лёгкие едкий, холодный воздух, она подняла голову. Глаза её, ещё минуту назад полные слёз, теперь высохли и закалились. И она, преодолевая боль в ноге, побежала к синей машине, к маленькой, сторбленной фигурке.

Рассмотрев девочку вблизи, Саманта почувствовала, как по спине пробежал ледяной мурашек. На тонких, детских ручках ногти были неестественно длинными, почерневшими. Одежда, когда-то яркое клетчатое платье, теперь стала застывшим, грязным панцирем из крови, грязи и непонятных пятен. При приближении Саманты девочка медленно подняла голову. Её лицо, усыпанное веснушками, было обезображено тёмными, багровыми пятнами, сквозь которые проступали жёлтые, гнойные точки. Девочка с трудом сфокусировала взгляд.

— Не подходите ко мне, — прошептала она хриплым, чужим голосом, в котором не осталось ничего детского, только усталость и знание. — Не подходите, пожалуйста. Уйдите! Пожалуйста, уйдите!!! — её слова перешли в надрывные, захлёбывающиеся всхлипы.

Саманта попыталась успокоить её, делая медленный, осторожный шаг вперёд.

— Успокойся. Всё будет хорошо, — голос её звучал неестественно громко и ровно, как отчеканенная стальная пластина, хотя внутри всё сжималось в тугой, болезненный комок. — Я не могу бросить тебя здесь. Мы найдём способ... мы найдём лекарство.

— Мне уже ничем не помочь, — просто констатировала девочка, и в её глазах, полных слёз, промелькнула страшная, взрослая ясность.

Саманта простояла рядом с ней минуту, не замечая, как по её собственным щекам снова начинают катиться горячие, солёные капли. Но в следующий миг дыхание девочки стало срываться. Рыдания перешли в нечто иное — в хриплые, булькающие звуки. На влажную землю между ними упали первые капли не слёз, а густой, тёмной крови. Тихий плач сменился пронзительным, ледяным рёвом, нечеловеческим и полным боли. Сквозь кожу на её руках начали проступать и лопаться гнойные волдыри.

Саманта широко открыла глаза, и её сознание наконец полностью зафиксировало странности: девочка не просто плакала, её тело било в такт невидимой, внутренней грозе, конвульсивно дёргаясь. Саманта, движимая инстинктом, шагнула вперёд и положила руку на её холодное, дёргающееся плечо. На секунду всё стихло.

— У тебя всё... хорошо? — выдохнула Саманта, уже зная ответ.

В этот миг девочка подняла голову. Но это была уже не та девочка. Её глаза, ещё секунду назад полные слёз, потускнели, стали плоскими, как у рыбы. Сквозь них проглядывала бездонная тьма, холодная и окаменевшая. Она смотрела на Саманту, и вдруг её губы, потрескавшиеся и синие, растянулись в неестественной гримасе, обнажив ряд мелких, жёлтых зубов. Воздух вокруг них застыл, стал густым и тяжёлым, будто сгущаясь в такт надвигающемуся изнутри неё самой кошмару.

В следующую секунду что-то с нечеловеческой силой отшвырнуло Саманту назад, на мокрый асфальт. Раздался рёв — тот самый, знакомый до боли, рёв Нечестивой. Существо, ещё минуту назад бывшее ребёнком, оскалило свои жёлтые зубы и поползло к ней на четвереньках, движения быстрые, прерывистые, как у паука. Через мгновение оно было уже сверху, и их лица оказались в паре дюймов друг от друга. Из перекошенного рта брызнули едкие капли слюны с резким, химическим запахом. Густая, обжигающая жидкость попала прямо на лицо Саманты. Боль была мгновенной и ослепляющей, будто раскалённый штык вонзили в кожу, усиливая и без того адскую боль во всём теле.

Саманта из последних, отчаянных сил упиралась руками в грудь твари, отталкивая от себя это существо, которое ещё так недавно умоляло о помощи. Силы таяли с каждой секундой. В любую минуту эти острые зубы могли впиться в её горло.

Но этого не происходило. Внутри, сквозь панику и боль, в её сознании зазвучал чёткий, стальной голос незнакомки: «Сохраняй свой темп!»

Одной рукой, дрожащей от напряжения, она продолжала удерживать тварь, а другой нащупала в кармане куртки знакомый холодный предмет — синюю, ржавую отвёртку. Ту самую, что в больничной палате была её последним аргументом. Собрав всю волю в кулак, она с силой отшвырнула существо в сторону и вскочила, преградив ему путь к бегству своим собственным телом. Придав его к земле коленом, она занесла руку с отвёрткой над бывшей девочкой.

Раздался влажный хруст, противный и окончательный. Тело под ней не затихло — оно начало биться в хаотичных, бессмысленных конвульсиях. Обезумев от ужаса, отчаяния и ярости, Саманта, стиснув зубы так, что челюсти свело судорогой, вцепилась в рукоять отвёртки.

Она вытащила импровизированное оружие, закрыв глаза и с ужасом представляя то, что ей пришлось сделать.

После этого её окровавленные, трясущиеся руки бессильно опустились. Она рухнула на колени, в лужу, под ритмичные, затихающие подёргивания того, что она только что уничтожила. И тут с небес, будто в насмешку или в попытке смыть грех, хлынул холодный, пронизывающий дождь. Он стекал по её лицу, смешиваясь с кислотным ожогом, слезами и кровью, смывая с рук следы невыносимого действия, но не в силах смыть его из памяти. Она сидела под струями, не двигаясь, а в ушах стоял тот самый, последний детский шёпот: «Уйдите... пожалуйста, уйдите...»

Сердце выбивало бешеный, хаотичный ритм, отдававшийся болью в висках, а губы, обожжённые кислотой, искривились от немой тоски и слепого, беспомощного гнева. Со слезами, смешивающимися с дождём на глазах, она уставилась на закатное, грязно-багровое небо и выкрикнула в пустоту, словно обвиняя саму вселенную:

— Боже, что же ты творишь с нами?! — с этими словами она в отчаянии ударила себя мокрыми, дрожащими ладонями по вискам, пытаясь выбить из головы этот жуткий хруст, этот взгляд.

— Тише! — позади неё, как удар кнута, раздался резкий, сдавленный голос незнакомки. — Своими криками ты накличешь на нас всех остальных! — зашипела она, уже стоя вплотную, её рука тяжело легла на плечо Саманты, прижимая к молчанию.

Саманта подняла голову и увидела свою спасительницу. Голос её, как обычно, был обезличенно холоден и ровен, но в синих глазах, видных сквозь прорези в бинтах, читалось жёсткое, сдерживаемое напряжение. Саманта медленно, будто каждое движение давалось невероятной ценой, поднялась с мокрой земли, опираясь на свои измученные, покрытые синяками и ссадинами ноги. И вдруг, безо всякого предупреждения, она обвила незнакомку ледяными, мокрыми руками, прижавшись к ней всем телом, дрожащим от рыданий. Та на мгновение застыла, но не оттолкнула. Возможно, где-то под слоями стали и бинтов, она почувствовала это гнетущее отчаяние и поняла — без хоть какого-то человеческого контакта это внутреннее падение может превратиться в душевную рану, которая убьёт быстрее любого монстра.

— Я убила её... убила... — повторяла Саманта, заглушённо, с каждым словом сжимая объятия всё сильнее.

Незнакомка запнулась. Несмотря на всю свою железную выдержку, слова, которые должны были звучать как оправдание, застряли у неё в горле плотным, горьким комком. Она не могла придумать ничего, что смогла бы сказать без насмешки. Когда Саманта наконец ослабила хватку, давая ей возможность вздохнуть, та лишь коротко, почти незаметно кивнула — жест, полный бессилия и странного понимания. Увидев это, незнакомка резко опустила голову, чётко давая понять: разговор окончен.

Саманта поняла её без слов. И уже через несколько минут, в тяжёлом, гнетущем молчании, они продолжили свой путь к убежищу. На удивление, следующие полчаса прошли почти без происшествий. Вой и стоны доносились, но звучали приглушённо. Грозное небо медленно уступило место вечерним, сизым сумеркам, а затем и густому, непроглядному полумраку. Физическая боль в теле Саманты понемногу притихла, притупилась, уступая место чему-то гораздо более глубокому и страшному — душевным терзаниям, которые заполнили собой каждую клетку. Холодное безразличие сменилось гнетущим, тошнотворным беспокойством и чувством полной, абсолютной опустошённости, будто из неё выскребли всё, что делало её человеком.

Вскоре в густом, как молоко, слое вечернего тумана начали проступать знакомые, как ей показалось, незнакомке очертания. До убежища оставалось совсем немного — пройти узкий проход между старым, обветшалым магазином с выбитыми витринами и рядом покосившихся, ржавых гаражей.

— Почти пришли, — незнакомка сбавила свой обычно стремительный темп, её голос прозвучал приглушённо, даже отстранённо, будто она говорила сама с собой.

Саманта лишь кивнула, не в силах разжать сведённые судорогой челюсти. По её лицу, испачканному грязью, кровью и следами кислотных ожогов, медленно стекали капли.

— Эй! — Незнакомка резко остановилась и повернулась к ней. Её пронзительный взгляд, казалось, видел не лицо, а прямо в душу. — Твои первые убийства всегда самые тяжёлые. Особенно такие... — она коротко, едва заметно, кивнула в сторону, откуда они пришли, не называя этого.

— Она не была «такой», — хрипло, с надрывом выдохнула Саманта. — Она была девочкой. А я... я просто...

— Она была заражена, — холодно, безжалостно отрезала незнакомка, и в её голосе не было места сомнениям. — А ты сделала то, что должно было быть сделано. Ты выжила. В этом мире, — она сделала паузу, подбирая слова, — сантименты — это роскошь. А роскошь здесь убивает быстро. Помни это.

— Почему? — внезапно, с неожиданной силой спросила Саманта, поднимая на неё заплаканные, но уже сухие глаза. — Почему ты вообще меня спасла? Зачем тебе лишний груз, обуза, которая даже ходить нормально не может?

Незнакомка на секунду замерла, её взгляд ушёл куда-то вглубь, сквозь туман и годы. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Потому что одиночество, — тихо, будто признаваясь в слабости, сказала она, — сводит с ума куда быстрее, чем любая их стая. — И, резко развернувшись, ткнула пальцем в узкую, тёмную щель между гаражами. — Вперёд. Последний рывок.

Они протиснулись в проход, и Саманта увидела его. Обычный, ничем не примечательный двухэтажный дом из тёмного кирпича. Но этот дом был окружён не хлипким штакетником, а настоящей, импровизированной крепостью — высоким, сварным забором из стальных листов и арматурных прутьев, на которых ключьями висела ржавая колючая проволока. Это был островок порядка в море хаоса.

Саманта инстинктивно, с облегчением, сделала шаг вперёд, но незнакомка резко, как пружина, выставила руку, преградив ей путь.

— Видишь его? — её голос стал низким, скрипучим шёпотом, полным абсолютной концентрации.

Её взгляд, острый как бритва, был прикован к единственной фигуре, неподвижно стоявшей у самого основания стальной стены, в тени. Нечестивый.

— Урок первый, — незнакомка бесшумно обнажила свой стилет, и сталь блеснула тускло в угасающем свете. — Обезвреживай угрозу. Пока она не обезвредила тебя.

Она, не производя ни звука, крадучись как тень, зашла к нему со спины. Никакой бравады, никакой лишней театральности — только одно резкое, молниеносное и выверенное движение. Лезвие блеснуло дугой и с глухим, хрустящим звуком нашло свою цель. Монстр, не успев даже пошевелиться, рухнул на колени.

— И всегда, всегда добивай, — добавила она уже через секунду, со всей силы вонзив тот же стилет в основание его черепа. Раздался отвратительный, влажный хруст, и тело окончательно обмякло.

Только тогда, вытерев лезвие, незнакомка подошла к забору, отодвинула тяжёлую, самодельную задвижку и с усилием распахнула массивную стальную дверь.

— Добро пожаловать в убежище, — сказала она, пропуская Саманту внутрь, в тёмный проём. И после секундной паузы добавила с плохо скрываемой, горькой усмешкой: — Если, конечно, ты ещё не передумала.

Дверь захлопнулась за её спиной с оглушительным, финальным лязгом. Снаружи остался только тихий, затихающий предсмертный хрип и непроглядная, безразличная и враждебная

тьма. А внутри, за этой стальной преградой, царила лишь новая, неизвестная тишина — тишина чужого убежища, полная вопросов без ответов.

Лицо под маской

Вечерние сумерки окончательно уступили место густой, непроглядной тьме, накрывшей заброшенный город. Дома, улицы и развалины вновь наполнила бесчисленная орда. Свистящий ветер с дождём резал металл, словно истерзанную плоть. Лишь одинокое небо светилось ярким кровавым заревом — последняя насмешка над несчастными, прячущимися в руинах. Кроме мёртвой тишины, в оживлённых улицах были слышны лишь бездонные шаги. Шаги тех, чьи кровавые глаза пылали во тьме. Дым, висевший в воздухе, казалось, сливался с самой тьмой, и лишь одинокие стоны Нечестивых пытались противостоять мирозданию. Отдалённые звуки перекрывались криками тех, кто пытался пробиться через металлические заграждения убежища. Это был не просто скрежет металла — это был звук тарана, чёткий и ритмичный, будто гигантский метроном, отсчитывающий последние секунды чьей-то жизни.

Эти привычные симфонические мелодии ада звучали в спящем сознании Саманты Аран. Всю нескончаемую ночь они терзали её сны и измученное тело. Лицо, покрытое воспалённой кожей с расползающимися гнойными точками, пылало. Ей снилось, что она умирает снова и снова, и с каждым разом боль отдавалась в её ноге. Но после каждой смерти она не просыпалась, а проваливалась в ещё более душераздирающие грёзы. Цепочка снов началась с выстрела, который должен был поразить ногу Саманты, но вместо этого проделал дыру в её голове. Закончилась же цепочка неудачной попыткой оттолкнуть девочку, которая разжала её руки и вцепилась гнилыми зубами в шею. Во снах ей отводилась роль отстранённая и в некотором роде возвышенная, но оттого не менее пугающая. Она смотрела на свои многочисленные смерти со стороны, будто убивали не её, а кого-то чужого и ненужного. Её роль в этих кошмарах была призрачной и неосязаемой — она не могла даже коснуться себя, а лишь наблюдала, как оскверняют её плоть, как тело превращается в грязь.

Но всему приходит конец — даже бесконечному циклу фальшивых снов. Когда ранняя заря разорвала облачную пелену ночи, Саманта очнулась. Голова всё так же раскалывалась, а пустой желудок ныл, сжимаясь от голода. Взгляд её зацепился за мерцающий в камине огонь: последнюю живую стихию в этом мире лжи и обмана. Через несколько секунд взгляд Саманты стал плавно перетекать на незнакомку. На ней всё так же была окровавленная армейская форма, плотно сидевшая на теле, а лицо скрывала толща бинтов, готовых вот-вот сползти. Она стояла рядом с камином, прищутив взгляд на свой узорчатый револьвер. Кровать Саманты издала скрипучий звук при смене её положения — тихий, но в стоящей тишине он прозвучал отчётливо. Женщина в бинтах, услышав краем уха посторонний шум, даже не пошевелилась. Её глаза, казавшиеся зеркалом души, отражали лишь ровное пламя. Лишь на миг она бросила быстрый, прицельный взгляд в сторону Саманты, давая понять: от этого взора ничего не скрыть. Затем, раскручивая барабан револьвера, она инстинктивно подошла к верстаку и бросила пистолет на деревянный стол. Спустя мгновение женщина, повернув голову в сторону Саманты, лёгким прерывистым голосом начала изрекать приговор:

— Ты заражена, — голос её был спокоен и безразличен, будто она констатировала погоду.

Её слова вязко повисли в воздухе, впитываясь во всё ещё отуманенное сознание Саманты ступенчато. Когда она полностью обработала сказанное, лёгкая усмешка промелькнула на её лице. Она понимала — её выживание всегда зависело не от привилегий, а от удачи обстоятельств, тех обстоятельств, которые больше не могли сложиться удачным образом. Она ощущала сильное пульсирование, исходящее от своего лица. Несмотря на всегдашнее самовнушение о своей безвозвратной гибели, когда она прикоснулась к своему лицу, её сердце облилось кровью. На месте нескольких гнойных ожогов появился один, свисающий пузырь. Гнойный, с пожелтевшими краями, он захватил её лицо, угрожая в скором времени захватить и мозг.

— Я умру? — выдохнула она дрожащим голосом — первое, что пришло ей на ум.

— Не знаю, — холодно отрезала незнакомка. — Но твоё положение, возможно, ещё не безнадежно. — В её голосе промелькнула какая-то искра надежды.

— О чём ты...

— Помолчи, — обдумывая мысль, оборвала Саманту женщина. — Возможно, тебя ещё можно спасти, — изрекла она, попятившись в сторону пылающего камина.

— Что ты собираешься делать?! — испугалась Саманта, делая попытку встать с постели.

— Сиди! Времени на разговоры нет. Всё идёт на считанные секунды.

Саманта безвольно опустилась на кровать, парализованная страхом. В её голове начали мелькать мысли о неменяемости своей спасительницы. Она сжала свои руки в смятении до тех пор, пока костяшки её пальцев не побелели, растрескивая застывшую кровь. Взгляд прибинтованной женщины, отражающийся от огня, начал метаться по двум направлениям. Первым направлением являлся протёртый до блеска стилет, а вторым, не менее значимым, стала металлическая кочерга. Два инструмента, которые в руках неменяемой женщины могли превратиться в нечто спасительное, но убивающее оставшуюся человечность. Поколебавшись около минуты, жестокий выбор был сделан, и она, бросив быстрый взгляд на пламя, выхватила блестящую кочергу и начала раскалывать её в огне до тех пор, пока исходящий пар не начал терзать её обугленную руку, закрытую поношенной термической перчаткой. Через несколько минут раскалывания она отодвинулась от огня и, попутно выхватив первую попавшуюся на верстаке тряпку, строевым шагом подошла к Саманте.

Саманта, ощутив весь жар металла ещё при приближении женщины, сильно испугалась. Язык и тело онемели. Она готова была снова потерять сознание, лишь бы не ощутить это «лечение».

— Зажми это в зубах, — приказала она, силой засовывая тряпку ей в рот. — Не хочу, чтобы твои крики нас погубили.

Парализованная ужасом, Саманта покорно легла. В следующее мгновение раскалённый докрасна металл коснулся её кожи. Раздалось отвратительное шипение. Кочерга, прижигая плоть, выпускала клубы едкого дыма. Тело Саманты забилося в судорогах, и незнакомка едва удерживала её. Боль была адской. Она пыталась кричать, но вместо звуков из горла вырывался лишь хрип, рождённый в самых глубинах её существа. Ноги дёргались в бешеном ритме, отбивая такт немой агонии. Вскоре запечённая ткань почернела, смешиваясь со слизью и кровью. Едкие капли падали на постель, процарапывая на её лице гримасу вечной боли. Спустя полминуты этого ада на лице не осталось ничего, кроме обугленной раны — уродующей, но не лишаящей шанса на исцеление. Саманту била нервная дрожь, веки покраснели, а глаза затуманились. Сознание уплывало, и она провалилась в беспамятство, ставшее единственным спасением.

А незнакомка в это время без тени сентиментальности отбросила дымящуюся кочергу и тяжело опустилась на стул, сжимая в руке револьвер.

— Какая ерунда, — прошипела она себе под нос. — Всего лишь ожог. Ничто по сравнению с тем, что ждало бы её снаружи.

После этого в убежище нависла тишина. Это была не мёртвая тишина, как снаружи, а напряжённая, как натянутая струна. Воздух пах пылью, старым деревом и едкой химической чистотой, вьёвшейся в каждую поверхность. Это была не тишина покоя, а очередная затаившаяся угроза. Огромная деревянная дверь была не просто заперта, а тщательно забаррикадирована изнутри — последний рубеж обороны на случай падения металлического забора. Окна в убежище оказались не просто заколочены, а наглухо защищены листами жести, не пропускавшими ни единого намёка на внешний мир. Два спальных места стояли слишком далеко друг от друга, почти в разных углах, так что нельзя было услышать даже дыхания. На деревянные дощечки были натянуты потемневшие простыни, служившие подобием матрасов. Но одна кровать выглядела лучше другой: на ней лежали целых три простыни и свёрнутое полотенце, напо-

минающее подушку. Рядом с этой кроватью стояла маленькая сумка, в которой находились пустая фляга, охотничий нож и крошечное зеркальце — настолько чистое, словно в него никто никогда не смотрел. Рядом с кроватью незнакомки стоял массивный верстак. Его поверхность была завалена не инструментами, а чертежами — схематичными, с резкими линиями и пометками на полях. Полки над ним, вопреки ожиданию, не несли хлама. Они были аккуратно, почти педантично заставлены консервами — в основном рыбными, — а также другими припасами. Каждая банка и упаковка стояла строго по срокам годности, образуя молчаливый, идеальный запас отчаяния. У стены примостилось самодельное устройство: система пластиковых бутылок, трубок и слоёв песка, медленно, капля за каплей, фильтрующая воду в заржавевшее железное ведро. Этот звук — размеренное тик-тик-тик — и стал первым, что услышала Саманта, когда сознание вернулось к ней.

Она открыла глаза. Прошло около трёх часов. Тишина была полной, если не считать этой методичной капли. Первым движением были не к оружию и не к осмотру комнаты. Она подняла холодные, одеревеневшие руки и осторожно, почти невесомо, ощупала своё лицо. Кожа болела. Но боль эта была иной — не жгучей, не рвущей, а глубокой и плотной, словно под ней всё затягивалось новым, грубым слоем ткани. Это была странная, почти приятная боль, лёгшая успокаивающим бальзамом на измученную душу. Не было знакомого липкого жара, не проступал гной. Раны замирали в новой фазе. Саманта медленно села на краю кровати и снова провела пальцами по лицу, изучая изменения на ощупь. Там, где раньше зиял воспалённый, гнойный пузырь, теперь лежало нечто иное — твёрдое, неровное, отдающее тупой, ритмичной пульсацией в ответ на прикосновение. Гной уступил место шраму. Болезненная открытость — болезненной скованности. Это был не конец, а превращение. И оно пульсировало в такт тихому падению капель в ведро, отмечая ход времени в их новом, неестественном покое. Она чувствовала на лице огненное дыхание раны и тяжесть всего тела. Хотя касание кочерги было мимолётным, боль разлилась по коже густой, жгучей волной, захватив всё лицо и отдаваясь в каждом мускуле. В душе Саманты, поверх страха и шока, медленно прорастало что-то плотное и едкое, похожее на ненависть. Пусть эта женщина и спасла ей жизнь — этот факт казался сейчас абстрактным, почти нереальным на фоне конкретной, пульсирующей боли. Саманта отдавала себе отчёт: с каждым её промедлением, с каждым неверным движением, в лицо могло упереться уже не железо кочерги, а дуло револьвера.

Поменяв положение, она увидела незнакомку, сидящую на своей кровати спиной к ней. Та снимала с лица бинты. Движения были медленными, методичными. Последний слой ткани упал на колени, обнажив кожу под ним. Это не были гнойные язвы или кровавые шрамы. Это были ожоги — старые, загрубевшие, покрывавшие почти всю поверхность лица, щадя лишь узкие полоски вокруг глаз и контур алых, неестественно чётких губ. Результат был не уродством и не красотой — это был ландшафт, карта страдания, где стирались все привычные границы: между безумием и ясностью, между храбростью и отчаянием, между тем, кто спасает, и тем, кого спасли. Лицо незнакомки было слепком с нового мира — неизведанным, пугающим и бесконечно одиноким. Женщина подняла руку и провела холодными пальцами по неровной поверхности своих щёк, будто читая давно знакомые строки. Она смотрела на своё отражение в запотевшем осколке зеркала, и казалось, что она видит его таким всю свою жизнь, не помня другого лица. Затем её взгляд в зеркале встретился с взглядом Саманты, но в её глазах не было смущения — лишь привычная, леденящая расчётливость.

— Разочаровала? — тихо проговорила она, не оборачиваясь, обрабатывая свежие бинты. — Любопытство порой дорого стоит. Заруби это у себя в памяти... или на своей ране.

Саманта смотрела на неё, лицо её оставалось каменным. Она снова коснулась своей раны, проверяя её реальность.

— А разве должна? — бросила она, и в её голосе прозвучала первая, хриплая нота ненависти.

— Нет. Твой гнев — чистое безрассудство, — усмехнулась женщина, и в её усмешке не было ни злобы, ни укора, лишь усталая констатация факта.

— Безрассудство?! — Саманта резко поднялась с места и, преодолевая хромоту, четырьмя быстрыми шагами приблизилась к кровати. — Ты ткнула мне в лицо раскалённой кочергой и ждёшь благодарности?

— Я спасла тебе жизнь! — незнакомка повернула к ней голову, и её голос прозвучал грозно, но пусто, как эхо. — Хотя могла не возиться и просто пристрелить. Поверь, я сделала бы это без колебаний, если бы не надежда, что зараза ещё не добралась до твоего мозга!

— Конечно, сделала бы, — с горькой, ядовитой насмешкой ответила Саманта, намеренно бросая слова, чтобы ранить. — Тебе ведь, по-видимому, уже нечего терять.

На секунду в убежище повисла мёртвая тишина, перемешанная с запахом пыли и въевшегося в пол засохшего гноя — липкой, необъяснимой массой, которая казалась частью самой комнаты. Затем незнакомка отвела взгляд и резко, почти по-звериному, оскалила зубы. Тишину разорвал хлёткий звук удара — плоской ладонью она ударила Саманту по здоровой щеке, той самой, что не тронул ожог. От неожиданности и силы Саманта пошатнулась, инстинктивно схватившись за покрасневшую кожу. Слёз не было — только ледяная, беззвучная ярость, заставившая её впиться ногтями в деревянный пол с тихим, скребущим звуком.

— Ты права, мне нечего терять! — прошипела женщина, и в её голосе впервые прорвалась ярость, долго сжатая, как пружина. — Все, кто любили меня и звали Серафимой, мертвы. И умерли самой жестокой смертью. — Она сделала шаг назад, её дыхание стало резким и коротким. — У меня не было ни антибиотиков, ни стерильных инструментов. Только огонь и сталь. — Она швырнула кочергу на пол, где та звякнула и покатила под верстак. — Я сделала то, что должна была. Если выживешь — ты сильна. Если нет — слаба и недостойна жизни в этом мире. Выбирать тебе.

Гнев в груди Саманты начал оседать, оставляя после себя пустоту — холодную и бездонную. Она гордо, с усилием поднялась с пола, не глядя на Серафиму, и молча легла на свою кровать. И только тогда, когда её тело коснулось матраса, по щекам сами собой потекли слёзы. Они жгли, разъедая края свежего ожога солёной болью. Саманта повернулась лицом к стене и закрыла его руками, чтобы больше никто — ни Серафима, ни даже она сама — не видел этой немой, унижительной агонии.

За стенами убежища бушевала гроза. Казалось, она черпала свою мощь из того мрака, что клубился сейчас в израненной душе этой женщины. Дождь хлестал по металлическому забору, смывая в темноту остатки того, что на нём висело — оторванные, почерневшие конечности Нечестивых. Металл был прочен, но его поверхность покрывали глубокие, хаотичные царапины. Следы от когтей, способных резать сталь, удавалось сдержать лишь кое-где приваренными листами. А прыгунов, тех, что пытались перемахнуть через верх, останавливала лишь грубая конструкция: вбитый над забором заострённый кол и ржавая колючая проволока, давно пропитанная насквозь кровью и смрадом.

Вечер тянулся в гнетущем молчании. Первый всплеск гнева Саманты и жестокая отповедь Серафимы постепенно выветрились, оставив после себя не примирение, а тяжёлое, взаимное равнодушие. В убежище повисла блёклая, давящая тишина, которую изредка разрывали лишь дикие вопли и леденящий, протяжный вой существ за стеной. Вечерняя трапеза Саманты представляла собой холодный комок зелёной жижи из банки с полустёршейся надписью «тушёный горох». Она ела медленно, деревянной ложкой, грубо вырезанной, вероятно, тут же, на этом верстаке. Каждый глоток казался безвкусным месивом. После еды желудок не бунтовал, а будто каменел — боль была не острой, а твёрдой и смирной, как будто всё внутри придавили свинцовой плитой.

В дальнем углу двора, вплотную прижатый к тому самому металлическому забору, стоял тесный санузел — больше похожий на сарайчик. Каждое его посещение было маленьким испы-

танием: клаустрофобия нарастала с каждым шагом, смешиваясь с леденящим ужасом полной беспомощности. Саманте каждый раз казалось, что хлипкая дверь вот-вот рухнет под напором, и та самая «девочка», которую она убила, довершит начатое. Но ничего не происходило. Лишь монстры за забором, заслышав шаги по мокрой земле и скрип двери, начинали биться в яростных конвульсиях, оставляя на металле новые, глубокие вмятины и заполняя ночь звуком тщетной, слепой ярости.

Ночь действительно несла что-то пугающее. Вечер медленно таял, уступая место непроглядному ночному покрывалу, и воздух сгущался, становясь вязким от невысказанной угрозы. В этой жуткой, неестественной тишине каждый звук казался предвестником. Серафима весь день не разговаривала с Самантой, откликаясь лишь на просьбы выйти во двор, да и то кивком или коротким жестом. Она была занята методичной, почти ритуальной работой: шлифовала стилет на точиле, прикованном к верстаку цепью, и полировала тяжёлые доски для укрепления двери. «Против новой угрозы», — бросила она как-то раз, не отрываясь от работы. На массивном столе лежали наждачная бумага, масло, тряпки — арсенал человека, готовящегося не к бегству, а к осаде.

Среди запасов еды Саманта наткнулась на стопку черно-белых фотографий: поликлиника, полицейский участок, школа. Снимки, похожие на кадры из старой хроники, навевали не ностальгию, а глухую, безысходную меланхолию. Казалось, Серафима хранила не память, а доказательства — того мира, который уже не вернуть. Душевное состояние Саманты оставляло желать лучшего. Она вновь погрузилась в трясину мыслей о неизбежности смерти и бессмысленности существования. Мерцающая лампа вселяла в душу тоску, смешанную с угрызениями совести. Боль в висках пульсировала в такт с мигающим светом. Она бесконечно злилась на Серафиму, желала ей смерти и винила во всех несчастьях. Но в то же время — тайно восхищалась её волей и решимостью. Холодный лоб и пульсирующая нога клонили её в тяжёлый, безудержный сон.

И сон пришёл — не отдых, а вторжение. Она стояла в школьном коридоре имени Джерикона. Всё шло своим чередом. Ребята высыпали из классов под звонкие гудки звонков. Ничто не предвещало беды. Дети веселились, а Саманта сидела в раздевалке, разглядывая дневник. Рядом, в соседней раздевалке, сидела Сара со своими «крутыми» друзьями. Она смеялась, поправляя белокурые волосы. Сквозь её смех проглядывались белоснежные зубы и перламутровый блеск губ. Внезапно прозвенел звонок, но в нём чувствовалось что-то чужеродное. Звон металла казался неестественным, чужим. Место действия сменилось. Это был уже не школа, а полицейский участок. Саманта была уже не ребёнком, а собой — двадцатитрёхлетней женщиной с пылающим ожогом на лице. Она смотрела на мужчину с ребёнком. Мальчик лет шести, ростом не больше метра. Саманта была прикована к стене, не чувствуя тела, но ощущая биение сердца. Это была лишь её ментальная проекция, наблюдающая за кошмаром. Мужчина с заросшими бакенбардами выглядел измождённым. На его окровавленных руках зияли укусы, сочащиеся чёрной жижой. Он смотрел на испуганного мальчика с короткой стрижкой и мягким детским лицом. В его правой руке сжималась заточка — последний щит. Они находились в открытом зале с выбитыми дверями и одним незабаррикадированным окном. Мужчина резко обернулся, встретившись взглядом с мальчиком.

— Тебе надо уходить. Сейчас же! — крикнул он.

В следующее мгновение мужчину ударили в спину с такой силой, что позвоночник хрустнул. Мальчик со слезами на глазах вонзил заточку в горло монстра, обездвижив его. Он безнадежно посмотрел на мужчину. Тот был мёртв. Из его рта стекала кровавая пена. Мальчик бросил последний взгляд и рванул к окну. Рёв толпы отступил перед его проворством. Ему удалось скрыться.

На этом моменте сонный паралич Саманты отступил, и ей удалось открыть свои свинцовые глаза. В воздухе пахло не химикатами, а сплошным смрадом — густым, сладковатым

и металлическим. Она оглянулась и увидела Серафиму, прислонившуюся к стене у входа. Из её левой руки, стиснутой вокруг рукояти стилета, текла алая, живая кровь, ярким контрастом выделяясь на фоне застарелых ожогов. Повязки на её лице были сорваны, обнажая искажённую гримасу боли и ярости. Выскочив во двор, Саманта увидела на заборе несколько свежешповешенных тел, с которых ещё струилась чёрная, маслянистая жидкость. Но были и те, кто смог преодолеть забор. В сизых предрассветных сумерках их силуэты казались искажёнными, неестественными. Два тела лежали у основания забора, распластавшись в грязных лужах, а третье — у самой двери в убежище, создавая зловещую, немую преграду. Даже в полумраке было видно, как из их тел сочится та же чёрная жижа, пульсирующая в такт затихающему ветру. Это были не те твари, что обычно брели по улицам — их конечности были искривлены бугристыми мускулами, а язвы покрылись коркой запечённой крови, смешанной со слизью. По их плоти расплзалась особая гангрена — не разлагающая, а чудовищно усиливающая, будто тело мутировало в оружие. Все трое были растерзаны с холодной, методичной яростью. У одного был раскрыт череп, и серое вещество смешалось с землёй. У второго голова висела на нескольких жилистых волокнах, болтаясь при каждом порыве ветра. А у того, что лежал у двери, внутренности вывалились на порог, издавая сладковато-гнилостный запах.

Сомнений не оставалось — это была работа Серафимы. Её последний, яростный танец со смертью, исполненный в полной тишине, пока Саманта спала. И теперь, стоя над этим свежим полем боя, Саманта понимала: новая угроза пришла. И Серафима встретила её в одиночку. Саманта, преодолевая волну тошноты, подошла к неподвижной фигуре у стены и опустилась на корточки. Её пальцы нашли запястье Серафимы — кожа была холодной, как камень, но под ней тонко, едва уловимо, пульсировала жизнь. Разница между жизнью и смертью казалась призрачной, тонкой, как лезвие. Веки, покрытые старыми ожогами, дёргались в лихорадочном ритме, а когда-то алые губы побелели, словно их выбелили известью. Вдруг, с усилием, Серафима открыла глаза — два тлеющих уголька в маске из шрамов и бледной кожи.

— Как спалось? — она попыталась улыбнуться, и это получилось жутко, обнажив стиснутые зубы. — Неужели так крепко, что не услышала нашей маленькой симфонии?

— Прости... — голос Саманты сорвался в шёпот, а по её щекам потекли предательские слёзы, смешиваясь с копотью и грязью. — Я не помогла тебе.

— К чему эти... дешёвые сантименты? — каждое слово давалось ей с усилием, выходило хриплым и прерывистым. — Ты получила своё... Ты отомстила, — прохрипела она, и в её глазах на мгновение мелькнуло что-то неуловимое — не боль, не страх, а странное, почти что облегчение.

— Нет! Это не так, клянусь! — Саманта схватила её искалеченную каким-то сторонним ожогом руку, ощущая под пальцами ледяную, липкую кожу. — Что нам делать с раной? Чем помочь?

— Ничем... — Серафима с трудом повернула голову, уставившись в потолок. — Без антибиотиков... это медленный приговор. Ты обеспечила мне... мучительный конец.

От этих слов по спине Саманты пробежал холодок. Но где-то в глубине, под грузом вины и страха, шевельнулось что-то твёрдое, знакомое — та самая сталь воли, что заставляла её идти вперёд, даже когда не оставалось сил.

— А если... если я достану их... лекарства? — голос Саманты окреп, в нём зазвучали нотки не надежды, а отчаянной цели.

Серафима медленно, с усилием перевела на неё взгляд. Её дыхание было хриплым и прерывистым.

— Может быть... проживу чуть дольше... Но зачем тебе это? — она попыталась покачать головой, но не смогла. — Пройти через ад... ради той, кто причинила тебе боль? Зачем?

Саманта замолчала, её взгляд скользнул по закопчённым стенам, по следам отчаянной борьбы, по тёмным пятнам на полу. Она обвела взглядом это мрачное убежище — клетку из металла и страха, и её голос прозвучал тихо, но чётко:

— Одиночество убьёт меня гораздо быстрее, чем все они вместе взятые. Риск стоит того.

Уголки губ Серафимы дрогнули в подобии улыбки. Слабый, хриплый звук, похожий на смешок, вырвался из её горла.

— Злая... сука, — выдохнула она, и в её глазах на мгновение вспыхнуло что-то похожее на уважение. — Какая и должна быть...

— Так куда идти? — Саманта перешла к делу, её голос снова стал твёрдым, рубленым. — Нога... болит, но я смогу идти! Надеюсь.

— Больница... Смита, — прошептала Серафима, собрав последние силы. — В трёх милях... к северу. Но запомни... — её глаза расширились, в них мелькнула тень старого, профессионального ужаса, — у тебя нет... нет много времени. Опоздаешь — меня уже ничего не спасёт.

Её веки сомкнулись, голова бессильно откинулась назад. Дыхание стало поверхностным и хриплым, будто в груди ломались сухие ветки. В её ослабевшей, но всё ещё сжатой руке лежал окровавленный стилет, лезвие которого было покрыто смесью алой и чёрной, маслянистой жидкости. На плече зияла рваная рана — глубокая, почти до кости, с неровными, почерневшими краями. Саманта, не теряя ни секунды, сняла с себя и с Серафимы остатки относительно чистых повязок, скрутила их в плотный, тугий жгут и с силой перетянула окровавленное плечо выше раны, стараясь передавить пульсирующий источник крови. Затем, собрав все силы, с трудом подняла бесчувственное тело и, спотыкаясь под его мёртвой тяжестью, перенесла Серафиму на её кровать. Слабый солнечный свет, пробивавшийся сквозь щели в забитой двери, упал на лицо Саманты, разделённое пополам — одна половина в тени, другая в холодном, пепельном свете. Следующий час она провела в лихорадочной, автоматической работе: укрепляла дверь заранее заготовленными досками, вбивая гвозди с яростью, граничащей с отчаянием; расчищала территорию от страшных останков. Она методично, без содрогания, добивала ещё дёргающихся тварей, убеждаясь, что те не поднимутся. Вонь стояла невыносимая, едкая, въедающаяся в поры, в одежду, в волосы — сладковатый запах разложения, смешанный с кислым химическим душком. Все попытки отмыть полы и стены от чёрной, маслянистой жижи оказались тщетными. Она не просто лежала на поверхности — она въедалась в дерево и металл, оставляя после себя липкие, тёмные разводы, которые не стирались, а лишь размазывались, словно сама материя заражалась этой скверной.

Саманта стояла на коленях, тщетно пытаясь тряпкой, смоченной в драгоценной фильтрованной воде, стереть с пола очередное пятно. В воздухе висел тяжёлый, сладковато-гнилостный смрад, каждый вдох обжигал лёгкие. Отчаяние сжимало её горло холодным кольцом. «Немного времени, всего немного». А она даже толком не знает дороги. Её взгляд упал на неподвижную фигуру Серафимы. Та дышала прерывисто и хрипло, её лицо, лишённое повязок, было бледным, как мраморное надгробие. Вдруг взгляд Саманты выхватил странную деталь — участок пола под массивным верстаком выглядел иначе. Доска там была чуть темнее, а между ней и соседней зияла узкая, но заметная щель. Сердце Саманты учащённо забилося. Она отложила тряпку, подошла к верстаку и на ощупь достала из кармана свою синюю отвёртку — тот самый «аргумент», с которым не расставалась. Лезвие вошло в щель. С несколькими рывками, поддавшись напору, доска с неприятным скрипом поддалась. Внутри, в пыльной нише, лежало не оружие, не патроны и не лекарства. Там лежала память. Аккуратно, почти с благоговением, Саманта извлекла фотографию. Она была старой, края обгорели и выцвели от времени, будто её часто трогали руками. На снимке — улыбающаяся женщина в камуфляжной форме с армейскими нашивками. Её знакомые, живые синие глаза светились спокойной силой и теплом. На

её руках, обняв за шею, сидела маленькая девочка с двумя каштановыми хвостиками — ей на вид не больше трёх лет.

Воздух застрял в лёгких Саманты. Она смотрела то на снимок, то на неподвижную фигуру на кровати. Мозг отказывался соединять эти два образа. Та «злая сука», что говорила о мире только в категориях силы и слабости, что выжгла ей лицо... и эта улыбающаяся женщина, полная жизни и нежности. «Все, кто любил меня... умерли...» — слова прозвучали в памяти с новой, оглушительной силой. И до Саманты наконец дошло: это не было фигурой речи. Это была древняя, ужасающая в своей простоте трагедия. Та девочка на фото... умерла. И вместе с ней умерла и та женщина. Вернее, умерло в ней всё хорошее, оставив после себя лишь пустоту, гнев и жажду мести, превратив её в тень, в призрак, блуждающего по руинам — последнего из могикан её собственной погибшей души.

Саманта медленно поднялась с пола, бережно положила фотографию обратно и задвинула доску на место. Её руки дрожали, но не от страха, а от странной, пронзительной ясности, охватившей её. Она подошла к кровати и посмотрела на Серафиму. Теперь она видела не просто изуродованную выживальщицу, а живую руину — памятник той боли, что способна убить душу раньше, чем умрёт тело. Она видела теперь не «железную волю», а стену отчаяния и боли, скрытую за этой бронёй.

— Я не знаю, кого ты пыталась спасти тогда, в больнице, — тихо проговорила Саманта, глядя на бесчувственную женщину. Капли дождя застучали по жестяной крыше, словно отсчитывая последние секунды до её ухода.

Она быстрыми, уже уверенными движениями схватила рюкзак Серафимы и начала собирать его. Каждая оставшаяся банка тушёнки, каждая пачка сухарей укладывалась с особым смыслом. Она наполнила флягу мутной, отфильтрованной водой — той самой, что медленно капала в ведро их самодельного фильтра. Взяла окровавленный стилет Серафимы, тщательно промыла его скудными запасами воды и протёрла до слабого блеска. Револьвер лёг в её руку непривычно тяжело, холод металла обещал будущие мозоли. Завершила сборы старый фонарик, свет которого мерцал, как последнее дыхание умирающего. Натянув потрёпанную куртку, пахнущую дымом и пылью, она перекинула рюкзак на плечо. У двери, испещрённой глубокими царапинами, она замерла на мгновение. За её спиной оставалось не просто убежище — целая жизнь, выжженная дотла. Она обернулась в последний раз.

— Но теперь я знаю, кого должна спасти сейчас.

Дверь со скрипом поддалась, выплеснув наружу запах влажной земли и гниения. Слабый солнечный свет, пробивавшийся сквозь пелену низких туч, ударил ей в глаза. Воздух был насыщен влагой — недавно прошёл дождь, и лужи на земле отражали свинцовое небо. Металлический забор, покрытый каплями воды и тёмными подтёками, стоял как немой страж, готовый выдержать новые атаки. Издали доносились приглушённые, непрекращающиеся стоны, смешанные с шелестом мокрой листвы.

Первые капли нового дождя упали ей на лицо, смешиваясь со слезами, которые она больше не пыталась сдерживать. Мысли Саманты путались, возвращаясь к старой книге, прочитанной когда-то во время учёбы. «Человек рождён для жизни, а не для приготовления к ней». «Разве теперь есть разница», — подумала она. «Теперь все только и делают, что готовятся к смерти, к бою и следующему дню. А сама жизнь ускользает где-то между строк, оставляя после себя лишь этот мерзотный, едкий запах». Она зажала нос пальцами. «Нет, это не жизнь. Это мучение».

Захлопнув дверь, она оставила за спиной одинокую фигуру в полумраке убежища — ту, что была вынуждена остаться в этом затерянном, нечестивом мире. И теперь кристально ясно было только одно: настала её очередь спасти жизнь.

Новая кровь

Холодный воздух, словно живой и осязаемый, заструился по пылающему шраму на щеке Саманты, заставив его похолодеть и обострённо проступить сквозь кожу. Её охватило странное, почти мистическое чувство, которое было так же сложно определить, как поймать ускользающий сон. Но это не была боль — по крайней мере, не физическая. Это была терзающая душу, глубочайшая ответственность, тяжким грузом ложившаяся на плечи. Всё в одну ночь переменялось, перевернулось с ног на голову. Из незащитной жертвы, привыкшей прятаться и выживать, она была вынуждена в одночасье стать защитницей, опорой для кого-то другого. Это новое чувство не пугало её — нет, страх был бы проще. Оно приводило в безмолвный ступор, ошеломляя самой своей необратимостью.

Она не пугалась ответственности как таковой, а лишь в тихом ужасе удивлялась, как за такой ничтожный промежуток времени они поменялись ролями, будто кто-то свыше безжалостно провернул шестерёнки судьбы. Её блеклая, почти фарфоровая кожа ловила каждый новый удар ветра, и каждый порыв адской, пронзительной болью отзывался в шраме, будто вскрывая старую, не зажившую до конца рану.

Её душу раздирали на части чувство вины и жгучий стыд, навязчивое и гнетущее существование которых могла прервать лишь незамедлительная помощь несчастной мучительнице, оставшейся по ту сторону двери. Она долго и пристально смотрела на истерзанный, изогнутый металлический забор, предвидя не только короткий, подходящий к концу жизненный цикл его существования, но и сомневаясь в его способности удержать бешеную орду даже на короткий, отчаянно необходимый промежуток времени.

«Если они ворвутся, ей не выжить», — чуть слышно, одними губами, шептала про себя девушка, мысленно обдумывая и взвешивая все смертельные риски своего выхода наружу. Она устремила взгляд на рваную, местами провисшую колючую проволоку, пропитавшуюся густой, чёрной, мазутообразной жидкостью, которая, казалось, перекрыла и остановила почти всю коррозию, скрепив колючки в единое смертоносное целое.

«Какова вероятность того, что трупы, застрявшие в этих колючках, вдруг не оживут?» — безостановочно крутилось в её голове, пока она стояла, опершись спиной о холодную, укрепленную дверь, с обратной стороны которой лежала еле дышащая Серафима. «Да впрочем, никакой, — с горькой решимостью докончила мысль женщина. — Но если не принести лекарства, она умрёт гораздо быстрее и в тысячу раз мучительнее».

За забором, в гнетущей, неестественной тишине, стояли Нечестивые. Они не шумели, не рычали, не бились о преграду. Они просто стояли, замершие и безмолвные, и в этой тишине было что-то худшее, чем любой шум, — казалось, они лишь поджидали, когда она выйдет, затаив жестокое намерение растерзать последние остатки былого, привычного мира.

Саманта медленно, стараясь не производить ни звука, начала перебирать в уме все возможные, хоть сколько-нибудь вероятные пути выхода. Чудовища знали, что она здесь — это было очевидно по их выжидающим позам. Но пути для обхода были невелики, каждый — смертельной ловушкой. Самым нелогичным, абсурдным и противоречивым решением, по мнению Саманты, являлся прямой выход через тот самый металлический забор. Они бы тут же, не дав сделать и шага, порвали её в клочья.

Она на цыпочках обошла небольшой свободный периметр своего убежища, бросив короткий, полный отвращения взгляд на единственный, по её мнению, проклятый санузел, располагавшийся вплотную к забору. Саманта всегда смутно думала, что самое худшее, что может с ней произойти в этой жизни, случится именно в этой смердящей, пропитанной страхом кабине. Она не боялась замкнутого пространства, но до глубины души опасалась такой незавидной, унижительной смерти.

С этими мрачными размышлениями она завершила осмотр заднего периметра. Но и там было ничуть не безопаснее. Там находился всё тот же безрадостный забор, с теми же ржавыми, готовыми впиться в плоть проволоками, но уже без следов чёрной, скрепляющей жижи. Задняя часть убежища находилась прямоком в тесной развилке между двумя другими, давно опустевшими бетонными домами. Это хоть как-то, иллюзорно, но всё же оставляло надежду на относительную защищённость с флангов. Но в задней, глухой стене дома находился ещё один, почти забытый выход.

Он располагался рядом с самым углом и представлял собой невзрачную, но основательную металлическую дверь, наглухо спаянную с тонким, но прочным стальным листом, который когда-то должен был обеспечивать дополнительную безопасность. Дверь была закрыта на маленький, на вид совершенно хлипкий ключик, который, по-видимому, никогда не вынимали из засова, и он почти врос в замок.

Девушка осторожно подошла к двери и замерла, вслушиваясь в тишину снаружи. Затем, сделав неглубокий вдох, попробовала вынуть ключик. Лёгким, дрожащим движением руки она стала покачивать его вправо и влево, одновременно с нарастающим усилием стараясь потянуть на себя. Металл скрипел и сопротивлялся, но спустя несколько вечных секунд ржавый ключик с глухим щелчком уже лежал на её мягкой ладони.

Но следующий, куда более важный вопрос был в том, сможет ли теперь этот крошечный, изъеденный ржавчиной кусок металла повернуть механизм засова. Ключ находился в слишком хлипком состоянии — при любом, самом осторожном повороте он мог с треском сломаться, своим звуком символизируя крах всех её надежд. Но выбора у неё не было, равно как и времени на раздумья.

«Либо получится выбраться незамеченной, либо прорываться с боем», — прошептала она, будто заклинание, и с затаённым дыханием вставила ключик в замочную скважину. Старый замок отозвался, начал шататься и колебаться, но, к её изумлению, внутренние механизмы потихоньку, с противным скрежетом, но сменяли своё положение, один за другим, пока не раздался глухой, но такой желанный щелчок открывающейся двери.

Женщина, не мешкая, нажала на дверную ручку и резко толкнула створку. Ослепительный солнечный луч, пробившийся сквозь пелену смога, тут же ударил в глаза, заставив её зажмуриться. Она быстрым, почти одним движением выскользнула из помещения и, развернувшись, проделала те же действия в обратном порядке, чтобы закрыть дверь, оставив за спиной своё временное пристанище.

Перед её ещё зажмуренными глазами постепенно открылся чудесный и одновременно пугающий вид. Город, пустой и глухо заброшенный, таивший в себе некую зловещую недосказанность, обладал по-своему дикой, гиблой красотой. Асфальтовые дороги давно уже начали прорастать какими-то странными, живучими растениями, похожими на болотные мхи тёмно-зелёного, почти чёрного цвета. На дорогах, словно игрушки забытого великана, стояли в беспорядке самые разные сломанные машины, покрытые толстым слоем пыли, рыжей ржавчиной и давно почерневшими, въевшимися пятнами. Синее, высокое небо преклонялось перед густым, желтоватым смогом, витавшим над городом неподвижным одеялом.

Но в этой, казалось бы, спокойной, почти мирной обстановке скрывалось нечто глубинно зловещее, выходящее за рамки дозволенного и понятного. В дневной тишине таилась какая-то лживость; казалось, будто сама земля, лежащая под ногами, хочет поглотить тебя, задушить в своих объятиях.

Но выхода не было, отступить было некуда. Саманта бросила последний, тоскливый взгляд на своё пристанище, на тот дом, что стал на одну ночь крепостью, и метнулась прочь, обнажив до блеска начищенный стилет Серафимы. «Оставь надежду, всяк сюда входящий», — инстинктивно, почти шёпотом, проговорила она, перебирая в голове прочитанные когда-то строки. Сердце её было уже далеко впереди, устремлённое к цели.

«В трёх милях к северу», — навязчиво звучал в голове слабый голос Серафимы, с приглушённой, угасающей ноткой, будто доносящийся из-под толщи воды. Саманта продолжала безостановочно идти, зажимая холодной, побелевшей от напряжения рукой рукоять блестящего стилета.

Каждая следующая минута давалась ей тяжелее предыдущей. Пересохшие, розовые губы терпеливо, с надеждой ждали глотка воды и холодного увлажнения. Ветер, казалось, набирал силу, просачиваясь своими невидимыми холодными клыками прямо в глубину её шрама и терзая изнутри, напоминая о прошлом. С тех пор как у неё появился этот шрам, ей постоянно казалось, что вся боль с ноги вдруг каким-то неведомым, изошрённым колдовством перешла к лицу, отдавая своё болезненное предпочтение не только щеке, но и всей голове, создавая давящее, пульсирующее ощущение.

Но, несмотря на накачивающую усталость и грызущую боль, она продолжала идти, двигаясь почти на автомате. Механически проходя квартал за кварталом, район за районом, она наконец дошла до улицы с табличкой «Стрит-Хоут», где скрытое до поры зло уже начинало снимать свою кожаную, притворную маску, обнажая истинную сущность.

Эта улица, как ей помнилось, располагалась почти в самом центре города, и то, что тут теперь находилось, не поддавалось никакому, даже самому чёрному, человеческому объяснению. Трупы, через которые теперь приходилось шагать обеспокоенной женщине, лежали везде — на тротуарах, в разбитых витринах, в открытых дверях домов. С каждым её осторожным шагом всепроникающий смрад гнилой плоти и нарастающее, сжимающее горло беспокойство усиливались, достигая почти физической плотности.

Солнце, к её ужасу, начало быстро заходить за горизонт, окрашивая небо в багровые тона и оставляя за собой лишь крошечную, угасающую надежду успеть найти укрытие. Сгустки тёмной ткани, украшенные липкими, желтоватыми выделениями, лежали прямо на дороге, пульсируя в последних лучах света. В такие минуты далёкие, неясные скрипы, создаваемые монстрами где-то в переулках, ощущались почти облегчением, ведь оглушающая тишина, подкреплённая звуками лишь своего собственного, перепачканного грязью и кровью мокрого шага, ощущалась куда более зловещей и невыносимой.

Нарастающее напряжение усиливали мигающие лампы, облепленные засохшими потёками и светившиеся красно-алым цветом, чьи прерывистые вспышки отбрасывали на стены пульсирующие тени, превращая знакомое пространство в подобие inferнального храма. Саманта смотрела на трупы, но не находила в них ничего человеческого. Огонь, светившийся в глазах живых, давно потух, уступив место мутной, застывшей пустоте. Но это не была пустая оболочка. От одного взгляда было ясно, что их безжизненный взор смотрит прямо в твою душу; подобно звуку холодного, чёрствого металла, заставлявшему человека прикрыть уши, они заставляли также прикрыть глаза, отвернуться от этого немого укора, от этой вечной тишины, что была громче любого крика.

Через несколько минут она усиленно начала осматривать подходящее место для ночлега, медленно поворачивая голову, вглядываясь в очертания зданий, пытаясь оценить их с точки зрения не только укрытия, но и потенциальных путей к отступлению. Хуже всего было то, что их было не так много, а те, что виднелись, не внушали ни капли доверия. Её внимание привлекли две ближайšie структуры, выделявшиеся на фоне других своим состоянием.

Старый заброшенный гараж с разбитым окном, в котором находилась сплошная, непроглядная тьма, казавшаяся почти осязаемой, и высокий двухэтажный дом с открытым окном и мерцающим внутри фонарём, чей свет то появлялся, то исчезал, будто подмигивая кому-то. Дом был кирпичный, сплошь покрытый гиблыми растениями и кустами, которые оплели его стены подобно щупальцам.

«Не самый безопасный дом, — пронеслось в голове женщины, — но разве у меня есть выбор?» — потрогав голову, будто проверяя, на месте ли мысли, выпалила она, обращаясь к самой себе, к тишине вечера.

Солнечное небо уже давно заходило за горизонт, но только теперь оно полностью потеряло своё могущество, уступая место кромешной, густой темноте, которая наливалась между зданиями, как чернила. Воздух начал веять не только холодом и кровью, но и каким-то непреодолимым, первичным страхом, который проникал под кожу и заставлял сжиматься каждое волокно.

Плач монстров начал становиться ярче, чётче, а их тихие, отдалённые стоны — превращаться в яростный, срывающийся рёв, который, казалось, исходил сразу отовсюду. Как проклятый будильник, будящий спящих, этот рёв обозначал восстание яростной и движимой тьмы, пробуждение того, что должно было оставаться во мраке. Этот звук побуждал обеспокоенную Саманту быстрее определиться с выбором, сделать шаг, любой шаг, лишь бы не оставаться на этом открытом месте.

Она зажимала деревянную рукоятку стилета холодной, почти онемевшей рукой под ритм возрастающего, стучащего в висках пульса. Кости её пальцев побелели от напряжения, при этом возвратив в голову некую странную, ледяную ясность, отточив восприятие до остроты лезвия.

Она бросила быстрый, оценивающий взгляд на дом и, аккуратно, стараясь не смотреть под ноги, перешагивая через трупы, подошла к нему, ощущая каждый свой шаг как невероятно громкий.

«Выхода нет», — вздохнув, проговорила она, и это прозвучало как приговор. Вооружившись стилетом, девушка стала открывать деревянную дверь. Та была весьма разодранной и хлипкой, покрытой глубокими царапинами и тёмными пятнами. Было похоже, что она перенесла немало нападений, выстояла перед многими попытками взлома, но при этом оставалась целостной и рабочей, упрямо выполняя свою функцию.

Саманта подошла к двери вплотную и прикоснулась к ней дрожащей рукой. Ей казалось, что за этой дверью находятся целые орды монстров, затаившиеся в темноте и ждущие её первого шага. Голова гудела от напряжения, мысли путались, набегаая друг на друга. Она чувствовала, как из груди вырывается тяжёлое, прерывистое дыхание, слышала каждый свой вдох и выдох. Саманта толкнула твёрдую, неподатливую дверь слабой рукой и пригляделась в окутавшую её темноту, пытаясь разглядеть хоть что-то в этом чёрном провале.

В широкой комнате, окружённой кромешной темнотой, она смогла увидеть лишь длинный лестничный пролёт, уходящий на второй этаж и теряющийся во мраке. Перед тем как войти в дом, Саманта сняла рюкзак и, пошарив в самом узком, потайном кармане, достала маленький, потрёпанный фонарик. Жёлтый, с пятнами засохшей крови и мигающим, неровным свечением, но всё ещё рабочий, всё ещё способный пробить эту тьму.

Женщина щёлкнула кнопкой, и луч света, дрожа, врзался в темноту. Она вошла в дом, попутно закрыв скрипящую, постанывающую дверь, отрезав себя от внешнего мира. Первое, что уловил её взгляд после закрытия двери, — металлический черенок от швабры, валявшийся прямо у порога, который она тут же, не раздумывая, засунула в достаточно широкий дверной проём, создав импровизированный засов, после чего вернулась к осмотру тёмного помещения, подсвечиваемого дрожащим, прыгающим по стенам фонариком.

Фонарик, несмотря на свою потёртость и возраст, чётко просвечивал самые тёмные и далёкие участки дома, выхватывая из мрака детали. Все декорации и приборы в доме оставляли желать лучшего, говоря о полном и окончательном запустении. Широкий стол, располагавшийся в самом дальнем углу, был залит кровью, давно почерневшей и загустевшей. Четыре стула, стоящие рядом, были в крайне плачевном состоянии. У двух из них отсутствовали спинки, и в тех местах, где они должны были находиться, торчали ржавые, гнутые гвозди. Дру-

гие же два стула вообще представляли собой груды разломанного дерева, вступившую в контакт с тёмной, вязкой жижей, медленно, но верно разъедавшей саму древесину.

Взгляд Саманты приковала разорванная, смятая семейная фотография, лежавшая на краю стола. Она отодрала слипшуюся, присохшую фотографию и взглянула на изображённых людей. На ней были два мальчика с родителями. На их лицах виднелась счастливая, беззаботная улыбка. Они обнимали друг друга, сидя на цветочной поляне, залитой солнцем. Женщина на фото целовала своего мужа, а дети стояли в обнимку, шурясь от яркого света.

Она бросила быстрый, почти беглый взгляд на фото и, не выразив никаких эмоций, вернула его на место, будто прикасаясь к чему-то раскалённому.

«Былого не вернёшь, надо думать о будущем», — шепнула она вслед ушедшим в небытие людям, и этот шёпот прозвучал особенно громко в мёртвой тишине.

— Надо подпереть чем-нибудь дверь, — проговорила женщина холодным, отстранённым голосом, констатируя факт.

И почти сразу же, будто в ответ, в гулкой, звенящей тишине раздался отчётливый звук разбитой посуды. Девушка немедленно обнажила стилет, попутно резко направив луч фонарика во тьму, в сторону, откуда донёсся шум.

«Этот звук доносился со второго этажа», — пронеслось в уставшей голове. Её дыхание участилось, кожа на лице и шее побагровела от прилива адреналина. Она готовила тело и душу к ещё одному испытанию, к новой схватке с неизвестностью. Саманта стала медленно, крадучись, подниматься по тёмной, скрипучей на каждой ступеньке лестнице. Закруглённая лестница была прямо присоединена к стене и казалась очень узкой. Соприкасаясь ладонью с холодной, шершавой поверхностью стены, она стала подниматься вверх, ощущая, как с каждым шагом сердце замирает.

С каждой новой ступенькой нагнетающее, давящее чувство нарастало, сжимая грудь. Саманте казалось, что стена начинает прижиматься к ней, пытаясь расплющить своими ледяными, бездушными объятиями. Это чувство усиливала мёртвая, абсолютная тишина в помещении, делающая исключение лишь для нервной скрипучей лестницы и отдалённых, приглушённых рёвов Нечестивых, доносящихся с улицы.

Сердце девушки колотилось в бешеном, неистовом ритме, пульс учащался, пробиваясь в висках, кожа на лице и руках побелела от напряжения. Ветра в помещении не было, но всепоглощающая, знакомая боль также терзала её ожог, напоминая о себе с каждой пульсацией. Казалось, её страх питал и находившийся в руках фонарик. Он нервно мигал, придавая некоторым вещам внизу устрашающие, двигающиеся очертания, играя с воображением.

Каждая ступенька, каждый скрип под ногой напоминал ей один счастливый, утраченный момент в её жизни. Она вспомнила свой первый подарок, сделанный родителями, — ту самую куклу с фарфоровым лицом. Как друг спасал её от набегов Сары, заслоняя собой. Свой первый поцелуй, неловкий и поспешный, танец на выпускном, где она была просто неотразима в своём платье, и все смотрели только на неё. А также диплом юриста, который она получила в возрасте двадцати лет, держа в руках и веря в светлое будущее. С того момента прошло лишь три года; Саманта мечтала о карьере, о своей семье, о доме с садом, но кто же знал, что у судьбы другие, куда более мрачные планы.

Она поднялась на последнюю ступеньку, и воздух в лёгких стал более твёрдым, колючим, будто наполненным мелкими осколками. Она пыталась дышать тише, глубже, но не могла из-за чрезмерной, сковывающей тревожности, сжимающей горло.

Взяв волю в кулак, сжав рукоять стилета так, что пальцы свела судорога, она преодолела последнюю ступеньку, ступив на твёрдый пол второго этажа. Перед её взором стала высветиваться небольшая, тесная комната, напоминавшая кладовку. На полу лежал разбитый чайный сервис, расписанный какими-то бледными узорами, отдалённо напоминавшими цветы,

чьи осколки блестели в луче фонаря. Всё в этой комнате, каждая пылинка, каждый намёк на порядок, складывалось к тому, что тут кто-то жил, и жил недавно.

Мягкая, бархатная кровать цвета морского огурца была украшена матрасом, на котором лежала аккуратно сложенная, хоть и потрёпанная, простыня. В углу, прислонённый к стене, лежал маленький, поношенный рюкзак, напоминавший рюкзак какого-то ребёнка, с выцветшей картинкой супергероя на переднем кармане. Деревянный пол был повсюду замусорен пустыми жестяными банками, которые покатались в стороны при её появлении.

Лицо Саманты начало понемногу отходить от багрового оттенка, наполняясь привычной бледной румяностью. Всепоглощающая боль в ожоге начала медленно отпускать, поддаваясь теплу стоячего воздуха помещения.

«Кто уронил эту посуду?» — тихо прошептала она, кончиком стилета трогая фарфоровые осколки, которые лежали слишком аккуратно для случайного падения.

В тот момент, когда она нагнулась, чтобы пристальнее проверить осколки, луч фонарика дрогнул и обнаружил на противоположной стене чью-то короткую, ускользающую тень. Саманта, мгновенно ощутив чужое присутствие, замерла, а затем начала медленно, методично проверять помещение. Она цепкими, привычными к темноте глазами стала вглядываться в полуоткрытый маленький шкаф в тщетной надежде обнаружить врага до того, как он успеет перерезать ей горло.

Её натренированный взгляд не обнаружил ничего, кроме аккуратно развешенной интимной женской одежды нежно-розового цвета с лазурной отделкой и сложенных стопкой коротких платьев, явно предназначенных для маленькой девочки. Она с лёгким скрипом закрыла дверцу шкафа, и теперь её взгляд, тяжёлый и неумолимый, устался на кровать. Женщина начала медленно, почти бесшумно к ней подходить, укрепляя с каждым шагом свою решимость, чувствуя, как по спине бегут мурашки. В её глазах налился, разгораясь, какой-то внутренний огонь. В них была не просто готовность, а великая храбрость и холодная решимость, выработанные за месяцы уничижительного выживания.

Она крепким, до побеления костяшек хватом зажала стилет Серафимы и остановилась в одном шаге от широкой, массивной кровати. Медленно, почти плавно наклонила фонарик, направляя луч в узкое, тёмное пространство между полом и кроватью, где увидела лишь нескольких спящих крупных пауков и плотную, слоями висящую завесу старой паутины.

И тут же, прямо над кроватью, в её изголовье, она разглядела его. Мальчика. Худого, до синевы бледного, с широко раскрытыми красными глазами. Его болезненно бледный вид выдавал огромный, животный страх, но, несмотря на это, глаза горели адской жестокостью и дикой решительностью, как у загнанного в угол зверька.

Саманта на секунду замерла, и время для неё словно остановилось. В её взгляде стала вновь, как приступ, вырисовываться недавно пережитая трагедия. На мгновение в голову ударил навязчивый, искажённый образ той девочки; казалось, она вернулась из небытия, чтобы отомстить Саманте. Она с болезненной ясностью вспомнила, как жестоко, почти машинально убила её. Но уже на следующее мгновение, с усилием отогнав видение, разум к ней вернулся. Она отчётливо понимала, что собственная одержимость прошлым медленно, но верно сводит её с ума.

Ребёнок пристально, не мигая, вытаращился на Саманту. В его не по-детски взрослых красных глазах она не видела знакомой пустоты и одержимости монстра. Он смотрел на неё со страхом, хоть и тщательно скрытым за несколькими слоями детской ненависти и немого гнева. В его глазах была не только эта наигранная ненависть, но и глубокая тоска, всепоглощающая и болезненная, как незаживающая рана. Молчаливость Саманты в ту минуту объяснялась этой же тоской и немой ненавистью к самой себе, к тому, во что она превратилась. Она начала дышать прерывисто и поверхностно, будто сам воздух в комнате начал внезапно душить её, сжимая горло.

— Ты заражён? — тревожным, но намеренно холодным, обезличенным голосом проговорила она первое, что пришло ей на ум, — стандартную фразу выжившего.

— Оставь меня! — огрызнулся ребёнок диким, хриплым тоном, прижимаясь спиной к стене.

— Я спрашиваю тебя ещё раз, ты заражён? — ещё более грозным, низким тоном, не оставляющим пространства для лжи, проговорила Саманта, делая едва заметный шаг вперёд.

— Я не заражён! И кто ты такая? — уже более настороженным, но без прежней шипящей агрессии голосом проговорил мальчик.

Эти простые, ясные слова были подобны целительной музыке для ушей Саманты. Она глубоко, с облегчением выдохнула, разом избавившись от каменной глыбы, давившей на грудь и препятствовавшей дыханию.

Она попыталась сделать свой тон мягче, добрее, хотя это начало получаться у неё неестественно и скрипуче, будто она разучилась говорить на этом языке.

— Как тебя зовут? — спустя несколько тяжёлых мгновений, заполненных лишь их дыханием, спросила Саманта.

— Люцио.

— Меня зовут Саманта. Ты можешь вылезти оттуда, я не причиню тебе никакого вреда, обещаю! — ответила девушка, в то время как её память лихорадочно пыталась вспомнить, не слышала ли она этого имени раньше, в сводках или рассказах других выживших.

Мальчик, услышав эти слова, снова посмотрел на Саманту изучающе. В его мрачных, полных глубочайшего недоверия глазах на мгновение просветилась яркая, багровая вспышка чего-то, похожего на решение. Он медленно перевёл взгляд с Саманты на грязный пол перед собой и, тихо, едва слышно покачивая телом, на четвереньках начал неуверенно вылезать из-под кровати. Его короткие, спутанные волосы цеплялись и путались в длинной, шёлковой на вид паутине. Ползучие, худые руки хаотично давили проходящих мимо испуганных пауков.

При падающем свете фонаря женщина полностью рассмотрела его лицо. Оно представляло собой обычное ребячье лицо, испачканное грязью, с несколькими незначительными свежими шрамами и от природы смуглым оттенком кожи. Его красноватые, не по-детски серьёзные глаза не были наполнены животной яростью заражённых, а являлись чем-то врождённым, возвышенным, той неотделимой природной частью мальчика, что делала его особенным в этом новом мире. Рост мальчика прекрасно сочетался с его возрастом, который она оценила лет в семь-восемь. Он был одет в потрёпанную кожаную куртку не по размеру с плотной, грубой вышивкой на плече. Его штаны представляли собой поношенные, облегающие джинсы явно большого размера, подвёрнутые в несколько раз у щиколоток.

Высокая Саманта после секундного раздумья опустила на одно колено, чтобы оказаться с ним на одном уровне, и посмотрела прямо в его красные, сияющие в полумраке глаза. В них чувствовалась бездонная, детская тревога, угнетающая душу своей искренностью. Взгляд мальчика был на удивление невинным и красивым, но в то же время в самой его глубине рисовалась бесконечная, недетская храбрость и решимость идти до конца. Было ясно, что мальчик уже научился жить и выживать в мире, где таким, как он, не было и не могло быть места.

— Что ты здесь делаешь, один, да ещё и в таком опасном месте? — проговорила Саманта, невольно копируя холодный, аналитичный голос Серафимы.

— Мы прятались довольно долгое время в... разных местах. Но... монстры в конце концов нашли проход к нашему последнему убежищу и не пощадили моего папу, — мальчик замолчал, сглотнув ком в горле. — Я исполнил его последнюю просьбу и сбежал через заднее окно, — проговорил он храбрым, но предательски дрожащим голосом, направляя взгляд в пыльный пол, словно разглядывая там те события. — А ты? Что ты здесь делаешь?

— Знаешь... это довольно долгая история, — уклонившись, с лёгкой усталостью в голосе ответила девушка.

Она отвела взгляд от мальчика и посмотрела на его сумку. Мигающий свет фонарика работал с перебоями, грозясь в любой момент окончательно выйти из строя и оставить их в полной темноте. Воздух в комнате, казалось, снова начал наполняться знакомым, въевшимся в стены запахом гнили и старой крови. Этот запах служил им всем, выжившим, главным и жестоким напоминанием о полной бессмысленности и хрупкости их нынешнего существования.

Перебойный, мигающий свет болезненно бил по глазам Саманты, и это навязчивое мерцание напомнило ей тот самый момент, когда первые едкие капли кислотного дождя упали ей на лицо, тем самым безвозвратно уничтожив в её глазах последнее, слабое напоминание о былой, нормальной жизни.

Тем временем Люцио, словно очнувшись, начал торопливо копаться в своём рюкзаке, пытаясь на ощупь найти хоть что-то, напоминавшее еду или просто крошки на дне. Но на свет один за другим появлялись и с глухим лязгом падали на пол лишь пустые, давно вылизанные жестяные банки из-под консервов. Когда последняя, поблёскивая в свете фонаря, банка с шумом ударилась об деревянный пол и покатила в угол, мальчик нервно, с отчаянием отвёл взгляд от пустого рюкзака и бессильно опустился на пол, уставившись в одну точку перед собой.

В его красных, неестественно ярких глазах бесконечная, щемящая тоска причудливо сливалась с невероятным, первобытным страхом, который, казалось, исходил из самой глубины его маленького, измученного существа. Казалось, томящая, сводящая с ума боль в его пустом животе не просто мучила его, а методично притупляла разум, затуманивала сознание и делала физически и душевно весьма уязвимым, беззащитным перед любым воздействием извне.

Ребёнок был отчаянно, смертельно голоден, и Саманта поняла это с первого же взгляда, с первого вздоха, который он сделал. Медленно, почти нехотя, она полезла в свой потёртый рюкзак, нащупала прохладную жёсть банки консервов, принадлежавшей Серафиме, и протянула её Люцио. Рука её на мгновение дрогнула — это был её запланированный паёк.

— Держи! — голос её прозвучал хрипло. — Похоже, мне придётся немного поголодать. — И тут же, осознав свою раздражительность, она добавила это уже более сдержанно, но усталость и напряжение всё равно просочились в интонацию.

— Ты не должна отдавать... — начал было мальчик, его красные глаза смотрели с внезапной взрослой серьёзностью.

— Нет, не должна! — резко, почти свирепо перебила его Саманта, и её тихий, внезапно устрашающий голос прозвучал громче любого крика в тишине комнаты. — Но я не хочу, чтобы из-за меня пострадал ребёнок. — Она замолчала, давая словам осесть. — И к тому же, если мы хотим выжить в этом аду, мы должны, нравится нам это или нет, держаться вместе. Один ты не протянешь долго.

Люцио посмотрел на Саманту своими кроваво-красными глазами, в которых мелькнула целая буря непонятных чувств — недоверие, надежда, растерянность. Он, ничего не ответив, молча взял банку консервов своими холодными, дрожащими от слабости маленькими руками. После этого он снова начал нервно копошиться в своей сумке и в скором времени достал оттуда маленький, но смертельно чистый ножик. Нож блестел и отражал дёргающийся, неровный свет фонаря, лежавшего на полу. В аккуратной форме лезвия чувствовалась какая-то скрытая, готовая к действию опасность, но при этом — опасность, охраняющая жизнь, а не отнимающая её.

В этой холодной, отполированной стали Саманта неожиданно для себя заметила своё собственное отражение. Искажённое кривизной металла, но всё ещё узнаваемое. Красивое когда-то лицо, ставшее теперь лишь бледной, уставшей копией самого себя. И впервые за долгое время она по-настоящему, внимательно рассмотрела свой ожог. Блестящая, натянутая кожа, находившаяся немного выше старого шрама, покрылась тонкой, перламутровой плёнкой заживающей ткани. А сам шрам, тот самый, что болел и нытьём напоминал о себе, представлял собой чёрную, обугленную шишку, похожую на расплавленный и застывший воск.

Но в то же время, к своему удивлению, она не могла сказать, что ожог изуродовал её лицо. Ведь этот шрам не был ландшафтом боли, а представлял собой лишь локацию, точку на карте её тела. Точкой на теле, которую можно было мысленно обойти, но не стереть из памяти. Точкой, которая частично, физически управляла её телом, посылая сигналы боли, но всё же не управляла её жизнью и волей.

Саманта с каким-то странным, необъяснимым облегчением смотрела на сидящего на корточках Люцио, и в этот момент она испытывала к нему глубокую, почти материнскую жалость и острое сострадание. В то же время всё внимание Люцио было безраздельно сосредоточено на еде, как будто кроме этого куска рыбы в мире больше ничего не существовало. Он жадно ел твёрдые, солёные куски рыбы своими испачканными и обмокшими от масла руками и пил оставшуюся жирную жидкость прямо с горла железной банки.

Глаза Саманты, отяжелевшие за долгие часы бодрствования и напряжения, потихоньку начали слипаться, предательски предвещая неизбежную человеческую слабость. «Последний раз, когда я позволила себе заснуть, ничем хорошим это не закончилось», — пронеслось в её голове туманной мыслью, пока она из последних сил пыталась бороться с накатывающей дремотой, снова и снова вспоминая образ раненой, беззащитной Серафимы, оставшейся одной.

Но силы были на исходе. Спустя полчаса неподвижного сидения холодные, тягучие объятия тьмы начали неумолимо клонить её глаза ко сну, веки становились свинцовыми. Тело постепенно размякло, теряя остатки напряжения, а глаза закрывались сами собой, как будто от собственного невыносимого веса. Шрам на щеке Саманты, казалось, снова начал пропускать сквозь себя ледящий холод комнатного воздуха, и тот пронизывал её всю, от виска до подбородка, своими невидимыми морозными клыками. Всё её измождённое тело, в том числе и старая раненая нога, ныло слабой, но настойчивой болью, действуя исподтишка на её и без того шаткое состояние.

В скором времени эти нарастающие, сливающиеся в одно ощущения окончательно перешили волю и отправили Саманту в беспокойный, но неотвратимый мир снов. Её тело окончательно обмякло, безвольно откинувшись на спинку кресла, становясь на время почти неотличимой частью тёмного, безмолвного пространства комнаты.

Сон Серафимы¹

— Валерон, проснись! Чёрт бы тебя побрал, недоумок. — произнесла женщина низким, суровым голосом, в котором слышалась сталь.

— Что надо?! Дай поспать, женщина! — хриплым, пропитанным сном голосом проговорил заросший мужчина средних лет, с идеально мускулистой фигурой.

На его обшлянувшихся руках были видны несколько выгравированных татуировок, больше похожих на некорректно зарисованные линии.

На минуту после его слов в помещении возникла гулкая, звенящая тишина, прерываемая лишь его естественно оглушительным храпом и скрипом мягкой, просевшей кровати. Он спал, приложив руку к носу, как ребёнок. В огромном, полутёмном помещении устойчиво веяло запахом пороха, смешивающимся с приятным, но резким ароматом бензина, стоявшего в канистре у выхода.

Через несколько минут в этом огромном помещении раздался ещё один звук. Басистый, срывающийся голос, эхом прокатившийся по всем смежным комнатам и нарушивший сон почти всех людей, находившихся поблизости.

— Какого чёрта! — истерический, яростный голос мужчины, с головы которого начала стекать ледяная, пронизывающая вода, заливаясь за воротник, вдруг вспыхнул.

Он бешено оглянулся по сторонам, делая множество попыток прояснить свои отяжелевшие глаза.

— Меня попросили вежливо разбудить тебя, — без единой нотки сожаления произнесла женщина, поправляя свои камуфляжные перчатки. — Иначе ты бы сильно пожалел, что посмел меня проигнорировать. — закончила она ледяным и абсолютно равнодушным тоном, тщательно скрывавшим свою злость за непроницаемой маской железной воли.

В это время Валерон, уже выкативший свои презрительные, несколько раз протёртые глаза, уставился на женщину.

— Думаешь, нацепила на себя форму солдата и можешь делать что захочешь? погоди, я проучу тебя, тварь. — громовым, хриплым голосом проорал он, с яростью вытаскивая из-под прохудившегося матраса кровати огромный, испещрённый зазубринами нож.

На несколько секунд в глазах женщины промелькнуло некоторое подобие страха, которое в мгновение ока перетекло в обычную квинтэссенцию презрения.

— Я облила тебя водой, пытаюсь убавить твою спесь, — парировала женщина, — но, вероятно, я ошиблась. Очухаться тебе помогут только пара синяков на изнеженной коже.

Валерон бросил последний презрительный взгляд на женщину и, выхватив длинный охотничий нож, тяжёлым, размашистым ударом с разворота гулко рассёк воздух. Женщина молниеносным, почти незаметным движением головы избежала смертельного удара, и холодный металл прошелестел у самого виска. Лишь несколько сантиметров отделяли её от лобового, рассекающего металл удара.

За этим первым ударом последовало ещё несколько, такие же яростные и беспощадные; разъярённый нож в руках безумца, казалось, пытался выпотрошить женщину, делая попытки поразить её в самые уязвимые органы. Но с каждым новым взмахом реакция женщины лишь улучшалась, тело запоминало ритм атак. Её молниеносные, кошачьи движения были полны сконцентрированной жизни и скрытой энергии. Она легко избежала нескольких ножевых ранений, но на секунду опустила бдительность. В это же мгновение безжалостный мужчина внезапным размашистым движением ударил её в живот тяжёлым носком сапога, тем самым отбросив

---

¹ Сон незнакомки — это флешбэк прошлого Серафимы до конца света, а также предшествующие события, положившие начало её трагедии в базе «Железного Братства». В настоящем, она лежит без сознания от полученных ран.

её к оштукатуренной стене. Острая, пронизывающая боль поразила женщину, но её взгляд, устремлённый на противника, не выдавал ничего, кроме абсолютной хладнокровности и леденящего душу равнодушия.

Не успев как следует прийти в себя после жёсткого удара, мужчина с новой яростью побежал к загнанной в угол женщине. Послышалось шуршание падающей штукатурки. Вся комната покрывалась вьедливым, химическим туманом.

Холодный нож, рассекая воздух, нашёл свой отклик в оштукатуренной стене, проделав глубокое отверстие в сантиметре от головы женщины. Нож приобрёл немного красноватый оттенок, что свидетельствовало о том, что лезвие всё же немного задело кожу на голове бесстрашной женщины. Но уже в следующее мгновение она, не теряя впредь бдительности, без промедления зарядила отвлѣкшемуся безумцу в переносицу тыльной стороной своего лба.

Его поразила ужасная боль, нос неестественно искривился, тѣмно-алая кровь начала обильно сочиться сквозь широкие ноздри, подкрепляемая его ужасными, хриплыми воплями и бранными словами. Но на этом дело не закончилось. Обезумевший от боли и ярости, Валерон начал в поступательном порядке колошматить кулаками воздух, надеясь вслепую зацепить лицо женщины, но каждый его удар был безупречно парирован и жѣстко заблокирован.

Контратака женщины не заставила себя долго ждать. После того как все силы мужчины окончательно иссякли, женщина начала наносить быстрые, энергичные удары, методично выбивая из него всю дурь; казалось, искры летели от её точных движений, но это были лишь брызги алой крови, хлеставшие из его сломанного носа и разбитых губ.

В ярком, пыльном утреннем помещении вновь возникла мѣртвая, давящая тишина, прерываемая лишь сдавленными, болезненными стонами безумца и прерывистым, но ровным дыханием женщины, одной рукой прижимавшей свою незначительную, но обильно ноющую рану на голове.

Мужчина сидел на полу, уставившись в линолеум убийственным, полным ненависти взглядом, его грудь тяжело вздымалась в такт глубокому, раздражѣнному дыханию. Он опѣрся об пол своими окровавленными, трясущимися руками и медленно поднял взгляд на женщину.

— Тебе здесь не место! — прошипел он. — Забирай сопливую дочь и проваливай. — с гнусной насмешкой выпалил он.

«Пока я сам её не убил». — промелькнувшая мысль поселилась в его ничтожном сознании и долго сопровождалась скривившейся улыбкой на растрескавшемся кончике губы.

Лицо женщины, прежде выражавшее лишь холодное равнодушие, внезапно исказилось, проявив более глубокие, до поры скрытые черты. Казалось, он задел какую-то запретную, болезненную струну. О том, о чём говорить не следовало, о чём она запрещала думать даже самой себе.

Она в следующее же мгновение оскалила свои белоснежные, как слонобая кость, ровные зубы и искривила алые губы в беззвучном рычании.

Ловким движением руки она достала со спины прикреплѣнный к ремню чехол и вытащила оттуда блестящий, отполированный до зеркального блеска стилет. Медленными, лёгкими, почти кошачьими шагами она подошла к сидящему мужчине и, воспользовавшись его беспомощностью, со всей накопленной силы стукнула его в уже разбитый нос прочным, тяжѣлым носком своего кожаного, окованного металлическими пластинами сапога.

Безумец издал лишь протяжный, захлѣбывающийся хрип и несколько неразборчивых, хриплых бранных слов. После этой короткой, но эффективной операции женщина подошла ещё на шаг и приставила к его дрожащему горлу сияющий, смертоносный кончик стилета.

В этом сияющем отражении смертоносного оружия безумец увидел своё обезображенное ссадинами лицо. Кровь ярко хлестала из него, проваливаясь в русые, заросшие бакенбарды, вследствие чего каплями стекала на плиточный пол.

— Неужели тебе так хочется умереть?! — тихим, но оттого не менее агрессивным и насыщенным голосом проговорила молодая женщина.

Мужчина смотрел на неё снизу вверх злобными, полными ненависти глазами, но при этом старался сохранять остатки своей твёрдости, показной хладнокровности и агрессивности. Казалось, вот-вот женщина проткнёт его сморщенное, нервно пульсирующее горло и положит мрачный, кровавый конец его жалкому существованию, но она, сделав паузу, лишь встала во весь рост, отошла на несколько шагов и плавно вложила стилет обратно в ножны.

— Если бы неповиновение не ставило меня перед выбором, то наша маленькая сцена была бы куда более краткой, — она сделала тяжёлый выдох и похрустела костяшками пальцев. — Во всяком случае для тебя точно!

Мёрзлую, звенящую тишину в помещении неожиданно нарушил отчётливый звук открытия массивной входной двери. Той злополучной двери, открытия которой и являлось страхом женщины.

Страх перед неповиновением.

Перед открытой дверной рамой показался чёткий силуэт молодого солдата. Он был высок, широк в плечах и откровенно хорош собой, лицо его было статным, с гордым, волевым подбородком. Взгляд, холодный и оценивающий, выдавал некое врождённое высокомерие и отстранённую, профессиональную хладнокровность.

Он медленным, строевым шагом зашёл в помещение и буквально просканировал взглядом всю ситуацию, при этом не дёрнув ни одним мускулом на своём бесстрастном, гордом лице. Он держал свои глаза и уши настолько остро, что чем-то напоминал собой несуразный лозунг сверхдержавы «Океания».

— Лейтенант Стаун, вы должны были лишь привести в чувство дезертира Валерона и отвести его в трибунал, — произнёс он чётким, отточенным, как клинок, голосом. — Вы не должны были браться за самоуправство. Железный Брат этого не потерпит.

— Сержант Вибер, — она сделала особое ударение на первое слово, — он напал на меня первым. Я лишь защищалась. — отпарировала она выпад. Её голос вновь стал ровным и официальным.

— Она лж... — попытался вставить окровавленный и кашляющий Валерон.

Молодой солдат посмотрел на него. В его взоре вновь начало виднеться самовеличие, подкреплённое изрядной долей гордыни.

По его хладнокровному взгляду вспоминался старинный трактат о волевом подчинении, отсылавший к древним, утраченным знаниям стратегов и политиков.

— Молчать, дезертир! — резко обрезал его сержант, даже не глядя в его сторону. — Генерал Железный Брат сам вынесет вам приговор.

«Уж я-то об этом позабочусь». — проговорил он более тихим голосом.

Он перевёл свой холодный взгляд обратно на лейтенанта.

— Я попрошу кого-нибудь другого отвести его под трибунал, лейтенант Стаун. Вы выполнили приказ — привели его в чувство. Но, по-видимому, старые счёты всё ещё не оплачены. Вам будет удобнее вернуться к своим непосредственным делам, товарищ лейтенант.

При последних словах осанка Вибера инстинктивно выпрямилась, а руки приняли скрепленное положение за спиной. Он отодвинулся от двери и проводил своим взором лейтенанта к выходу.

В это же время взгляд Серафимы Стаун всё ещё не отступал перед яростным, неукротимым желанием порвать дезертира на куски. В её глазах плясали демоны мести. Но с железным усилием воли она лишь изобразила обычную маску холодной хладнокровности и, развернувшись, лёгкими, почти бесшумными шагами вышла из комнаты, с силой захлопнув за собой тяжёлую металлическую дверь, которая с гулким стуком врезалась в косяк.

Серафима вышла в длинный, безликий армейский коридор, который словно вёл во все остальные помещения огромного, похожего на бункер здания. Даже воздух в этом длинном, пустынном зале не веял ничем, кроме морозной отстранённости, гнетущей тишины и казённой хладнокровности, нарушаемой лишь отчётливыми, гулкими шагами Серафимы по холодному плиточному полу, эхо от которых расходилось далеко впереди. Длинный зал соединял в себе несколько дальнейших путей, расходящихся словно лабиринт. Первый путь вёл в оружейную, пахнущую сталью и машинным маслом, второй — в маленький, всегда переполненный госпиталь, где в полумраке стонали раненые солдаты. Последний же, третий проход, вёл в спасательный отсек; он был создан для гарантированного спасения «высоких лиц» на всякие непредвиденные случаи, будь то нападения или поджог, но ставивший под удар при этом основных, рядовых и вооружённых бойцов.

В скором времени, предварительно понизив внутреннюю температуру своего кипящего гнева до приемлемого минимума, Серафима неспешно добралась до основного выхода. Это было небольшое, аскетичное помещение со стальными, до блеска начищенными прочными стенами и узкими бронированными окнами, сквозь которые пробивался тусклый свет. В холодной, отполированной стали чувствовалась безграничная, почти надёжная безопасность, но вместе с тем и некая скрытая, смертоносная опасность, исходящая от самого этого места. Рядом с выходом из длинного коридора, застыв по стойке смирно, стоял мужчина в свежесглаженной камуфляжной армейской форме, с несколькими аккуратными звёздами на правой стороне груди. Он был весьма широкоплеч и не был слишком хорош собой, его лицо было угловатым, непропорциональным и густо заросшим щетиной. Но в его остром, волевом лице читалась отчаянная, безрассудная храбрость и причудливая возвышенная воля, смешанная с гордыней и тщеславием.

Когда его карие, внимательные глаза встретились с пронзительными глазами Серафимы Стаун, они немного преобразились и гладко смягчились.

В его глазах просветилась яркая, тёплая искра, похожая на свечение летнего, ласкового солнца, сопровождающаяся свежим дыханием безмятежного, ясного неба.

— Товарищ лейтенант? Рад вас видеть! — проговорил солдат неожиданно мягким, почти задумчивым голосом, выдававшим его истинные чувства.

Серафима устремила взгляд на пол. Какое-то отчаянно непреодолимое чувство мешало ей поднять голову и соединить свой небесно-голубой взор с его тёмно-коричневым.

— Взаимно, рядовой Браун! Что, никак не привыкнешь к армейской форме? — выговорила она довольно тёплым для неё голосом, уголки её губ дрогнули в подобии глупой попытки отвести прикованный к полу взгляд.

— Отнюдь, наоборот! Я уже прекрасно себя чувствую в этой форме, — поспешил заверить он, выпрямляясь ещё больше.

В его голосе появилось изнеженное смущение.

— Ну, могу сказать одно: врётся ты весьма паршиво! — отчеканила Серафима, и её голос вновь стал холодным и безжалостным. — К этой форме в действительности невозможно привыкнуть. Она всегда будет чужой. — Она сделала небольшую паузу, её взгляд отстранился от пола. — Только, кажется, мне напоминают об этом больше всех!

— Так как там ситуация с Валероном? Я вижу, ты не отвела его под трибунал! — продолжил Вермин Браун после некоторой неловкой паузы, стараясь сменить тему.

— Я разбила ему нос, после того как он вздумал меня зарезать! — коротко и ясно отрезала Серафима, проводя рукой по своей ране.

— Вероятно, он заслужил это, — равнодушно отозвался Вермин. — Расплата всегда должна быть короче долга.

— Снова цитата из своих бесполезных книг? — Она потрогала голову. — Видимо, у тебя слишком много свободного времени.

— Они не бесполезные! — На его лице дрогнула знакомая морщина несогласия. — Да и к тому же, кто сказал, что на посту нельзя держать в руках книгу вместо этих ваших несурзных винтовок? Они оба стреляют. Только в разные точки, — подмигнул он ей бровью.

— И как, интересно, Железный Брат вообще отобрал тебя на службу? — Серафима вновь покосилась на пол. — Твои таланты... были бы полезны в другом амплуа, но никак не в боевом, элитном подразделении Железного Братства.

После этого он сменил свою стойку и начал обильно изрекать свой монолог.

— А я бы сказал, что этому месту не хватает позитивного настроения. Ты видела Вибера? Этот недотёпа ходит с лицом, будто его коровьей лепёшкой накормили. Расхаживает тут, будто хозяин, лишь пятой точкой знатно шевеля. А этот чудной докторишко? Про него уже шепчутся, будто он людей жрать начал. Видать, поэтому и рассудок потерял. — Рядовой повесил голову, оглядываясь. — Он ко мне сегодня с утра заходил. Весь в пропахшем, измазанном кровью халате. Я уж подумал, беда. А он в своих засаленных бакенбардах начал похаживать по комнате и что-то ворчать. Ну а я что? Присел на кровать и начал было «рвать на себе волосы». Уж лучше это, чем слушать его бред. «Господи, лишь бы поскорее ушёл. Весь пацифизм во мне истребляет», — думал я тогда. — Он тяжело вздохнул.

Серафима внимательно слушала, и каждый раз, когда её прорывал несдержанный порыв засмеяться, отводила голову в сторону, прикрывая лицо ладонью и повесив взгляд на пол.

— Спорим, не догадаешься, зачем этот призрак явился? Так вот. Ночью две недели тому назад меня выставили сторожить его плешивую больницу. «Как будто я только для этого и гожусь». Книжки отобрали, велели с места не рыпаться. Ну а что мне было делать? Я полночь слушал, как он храпит и как тихонько щебечут его ребятишки. Всё это время меня разбирало одно светлое желание — придушить его и положить конец как своим страданиям, так и страданиям его мальцов. Но мой пацифизм, как видишь, не позволил. — Он закашлялся. — Зато я смог сделать кое-что получше. Часа в два, когда сопляки заснули, я приоткрыл дверь и вытащил первую попавшуюся в моё поле зрения книгу. Это был четвёртый выпуск томика по квантовой физике. Читал взахлёб до утра и даже потом не мог остановиться.

Что-то смешное в его рассказе сказывалось на Серафиме. Она изо всех сил держалась, но странность прорывалась наружу — в лихорадочной чесотке и судорожных, скованных движениях ног. В этих стараниях засмеяться было что-то светлое. Дружеская беседа, соседствовавшая с нарастающим интересом, начала благотворно сказываться на её настроении.

— Вот из-за этой книги он и пришёл сегодня устроить балаган. Ну, я, узнав причину его зловонного визита, вернул ему его книгу и проводил, не раз проругавшись и выразив непацифистское желание. — Он с притворной яростью сжал кулак. — Клянусь, мне тогда хотелось отрезать его мастерскую бороду и придушить. Ишь, видите ли, у него книгу украли. Старый хрыч.

При последних словах солдата рот Серафимы всё-таки искривился в некотором подобии усмешки. Неровная улыбка украсила её лицо, наполняя губы перламутровым оттенком.

— Чего ты? Это же правда, — не унимался Вермин. — Да ещё этот железный старик...

Серафима резко зажала ему рот ладонью — с неподдельной, солдатской силой. С её лица вмиг слетела вся живость и без промедления обнажилась сталь. Но в этой стали теперь читался нешуточный, животный страх. Страх не только за него, но и за себя.

Вермин издал несколько неразборчивых слов, пока её ладонь полностью не заглушила все исходящие от него звуки.

— Ты с ума сошёл? — Она метнула взгляд по сторонам, не разжимая пальцев. — Если тебя услышали... — стиснула она зубы.

Прошло пара секунд. Она убрала руку, вытерла её об его обмундирование и, вернув себе ледяную чёрствость, потрогав голову, со страхом пошла дальше.

Вермин сделал некоторые усилия, чтобы оттянуть её уход, подмастывая женскую тщеславность словами «прости» и «извини». Но ничего не получилось. Серафима безоговорочно не захотела оставаться и с прямой осанкой попятилась дальше.

Холодный, спёртый воздух коридора начал смешиваться с запахом крови из её затвердевшей раны. Она по капле проваливалась в густые волосы, как плотная, тёмная жижа обхватывая отдельные локоны её шёлковых волос.

Пульсирующая, точечная боль мимолётно отдавалась и в глазах, заставляя её временами на мгновение зажмуривать свои синие глаза, в результате чего её ангельское, отточенное лицо немного искривлялось от неприятного ощущения, оставляя за собой право любоваться лишь прекрасными, кроваво-алыми губами, переливающимися перламутровым, влажным отливом. Но даже когда лицо Серафимы произвольно искажалось, оно не становилось хуже или менее прекрасным. Даже наоборот. Это был сложный, живой ландшафт, не оставлявший в себе никакого изъяна, а полностью являвшийся одухотворённым, совершенным творением.

— Лейтенант! Подождите, пожалуйста! — внезапно крикнул Вермин, быстро прибежавший к уже почти скрывшейся вдали Серафиме. — Я совсем забыл! Вас звали в госпиталь, вроде как взглянуть на раненого солдата. Видать, ему стало ещё хуже. — сказал он более сдержанным голосом.

Серафима повернулась к вспотевшему Вермину и, сделав неровный, чем-то угрожающий жест принятия, развернулась и направилась обратно в длинный, безрадостный зал, несколькими пальцами автоматически придерживая раненую, ноющую голову.

Пальцы немного слиплись, ощущая твёрдую, засохшую кровяную жижу. Эта нывшая, монотонная боль заставляла Серафиму снова и снова вспоминать о своём прошлом и настоящем, а также твёрдо, с холодной решимостью обдумывать будущее — будущее своей пятилетней дочери, ради которой она и доживала свой в меру безрадостный век.

С похожими, гнетущими размышлениями женщина быстро дошла до дверей госпиталя. Маленькая, белая палата больше напоминала палату в строгой психиатрической больнице.

Белые, до боли стерильные стены, украшенные блестящими, хромированными узорами медных светильников, отсвечивались яркими, слепящими огоньками от рядом стоящих огромных зеркал. Лампа, ровно горевшая на потолке, не только освещала помещение, но и наделяла его какой-то мистической, нездоровой аурой. Казалось, в этих стенах вот-вот произойдёт что-то ужасное, то, что навсегда и бесповоротно сменит ход истории человечества.

На аккуратных металлических столах стояли разложенные в идеальном порядке хирургические приборы. Скальпели, острые резцы, шприцы с мутными лекарствами, блестящие ножи — все эти приборы навевали на всё помещение невыносимое психологическое давление. Каждый раз, когда Серафима посещала это место, ей неумолимо казалось, что вот-вот произойдёт что-нибудь ужасное, непоправимое.

Но больше всего Серафима до суеверия боялась этих огромных зеркал. При ночных дежурствах она иногда невольно ловила в них своё бледное отражение и тут же, с содроганием, отводила взгляд. Ей чудилось, что тёмная тень в стекле вот-вот выпрыгнет и вонзит в её горло один из этих блестящих, смертоносных скальпелей.

Сам доктор был не менее загадочной и пугающей личностью, чем его госпиталь. Доктор Лоренд был главным врачом в госпитале и, в частности, представлял собой типичного ворчливого, нелюбимого старика, гения точных наук и яростного ненавистника всего гуманитарного. Близкие ассистенты, знавшие его достаточно давно, отзывались о нём не самым лестным образом. Шёпотом говорили, что его маниакальное помешательство на странных экспериментах давно свело его с ума. Что одинокое существование, в большинстве своём проводимое в полном уединении, сделало его законченным шизофреником, или, проще говоря, опасным безумцем. Молодые ассистенты Лоренда могли считаться почти юнцами, ведь от роду им всем было не больше двадцати. Они часто терпели пренебрежительное, унижительное отношение от

своего профессора, но по-своему, со страхом и почтением, его уважали, даже в шутку называя его за глаза «безумным Лорендом».

Когда Серафима бесшумно вошла в палату, Лоренд и его юные ассистенты были заняты осмотром раненого. Худое, бледное, как полотно, лицо старика с впалыми щеками на миг преобразилось, увидев входящую женскую фигуру. Он тяжёлыми, хромыми шагами, словно волоча за собой невидимые кандалы, подошёл к Серафиме и картавым, простуженным голосом проговорил:

— Наконец-то вы пришли, лейтенант. Вы должны это увидеть. Ситуация... ненормальная.

Охрипший голос доктора повис в стерильном воздухе. Он коснулся костлявыми пальцами плеча Серафимы и дрожащей рукой показал на кушетку, располагавшуюся в самом дальнем, слабо освещённом углу комнаты.

На ней, неестественно выгнувшись, лежал человек без рубашки, с холодной, окоченевшей кожей землистого оттенка и неестественно длинными, почти когтеобразными ногтями. Серафима взглянула на человека и сразу подметила толстые, бугристые гнойные высыпания, покрывавшие его торс, каждое из которых сопровождалось медленным выходом чёрной, пузырящейся пены.

— Это не обычное заражение, — кашлянув, проговорил доктор, протирая о халат запотевшие очки. — Обычными признаками гнойного воспаления является банальное заражение, но этот солдат не был заражён в полевых условиях, он был поражён пулевым ранением в живот. Даже пуля была чистая, я извлёк её сам, — он закрыл один глаз, и серебряная, с нескольких сторон деформированная пуля вышла из его глубокого кармана. — Я не понимаю, откуда могло произойти такое... такое стремительное разложение. — закончил он, с жадностью хлебнув газированной воды из потёртой кружки.

— Он жив? — хладнокровным, ровным тоном, сквозь который не пробивалось ни капли эмоций, выпалила Серафима.

— Я... думаю, да. Его кожа окоченела, как у покойника, живот загноился, ткани распадаются на глазах. Да в принципе и сама рана изначально была смертельной. Но пульс есть, слабый, нитевидный, но есть. — ещё раз кашлянул доктор, его взгляд беспомощно скользнул по телу пациента.

— Он в коме?

— Нет, я не думаю. У него была сильнейшая лихорадка. Ночью он всё бредил, метался и бормотал какие-то неразборчивые слова, словно спорил с кем-то невидимым.

— Вы должны попытаться помочь ему, — скорее не приказ, а констатацию, тихо прошептала Серафима, глядя на страшную, разъевшую плоть рану.

— Я делаю всё, что в моих силах, лейтенант! Я потратил на него целую банку антибиотиков, а тело всё гноится и гноится, будто изнутри его пожирает кислота, но при этом он не умирает, он просто... разлагается заживо.

— А есть другие методы? — спросила Серафима, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

«Можно было бы хотя бы избавить его от несоизмеримых с жизнью страданий». — промелькнуло у неё в голове.

— Вечером я попробую прижечь рану калёным железом. Весьма неэтичный и болезненный метод, но что поделаешь, иного выхода я не вижу. — выговорил доктор, неосторожно щупая рану, пока один из гнойных пузырей не взорвался с мягким хлопаящим звуком и брызги тёмной жидкости рикошетом не попали на рукав и грудь формы Серафимы.

Серафима инстинктивно отошла на несколько шагов и резко отвернула голову, сжав губы. В её нос ударил тошнотворный, сладковато-приторный запах гноя, чем-то схожий с запахом тухлых яиц и испорченного мяса. Всепроникающий смрад гнилой плоти, веявший над

всем госпиталем, создавал стойкое ощущение присутствия в подпольной человеческой мясорубке или на складе у обезумевших каннибалов. Этот отвратительный запах гнилой плоти смешивался с резким ароматом стерильности и хлорки, приобретая ещё более тошнотворный и противоестественный характер. Серафима бросила последний, быстрый взгляд на умирающего больного и, повернув голову к доктору, ледяным, равнодушным голосом проговорила:

— Делайте что должны. Если у вас на данный момент есть только огонь и сталь, используйте их. Я вам не советчик в медицинских вопросах. — докончила она и твёрдыми, отчётливыми строевыми шагами вышла из помещения, по пути скрытым, отработанным движением руки прихватив с одного из столов небольшой пузырёк со спиртом.

Серафима вышла в длинный, пустынный коридор и сделала глубокий вдох, пытаясь очистить лёгкие. «Слишком часто в последнее время я оказывалась рядом с умирающими людьми. Но этот запах... он чем-то фундаментально отличается», — тихо, одними губами, прошептала она и медленно пошла в сторону своей комнаты.

Всю дорогу она дышала прерывисто и поверхностно, ввевшийся запах мертвечины, казалось, навсегда осел в её внутренностях, разъедавая их и пытаясь перестроить на свой лад. Серафима думала, что вот-вот её вырвет, что лёгкие откажутся работать, но вместо этого были заметны лишь незначительные, сдерживаемые рвотные рефлексy, которые, тем не менее, так и не сумели прорваться наружу. Безумный Лоренд хоть и считался сумасшедшим, но вместе с этим безоговорочно считался экспертом своего дела, заядлым, бесстрашным экспериментатором, но всё-таки — экспертом. Серафима до конца не понимала, как такой человек не сумел распознать причины этого странного заражения. «Возможно, он был заражён уже до вызова на задание», — думала Серафима, на ходу открывая маленькую колбу со спиртом. Она медленно, точными движениями сняла перчатку и зажала её в своих белоснежных, ровных зубах. После этого она аккуратно, обмакнув край ткани, намочила руку едкой жидкостью и протёрла голову в месте раны. Боль была мгновенной, жуткой и острой, как удар током. Её тело с молниеносной скоростью ощутило морозный, пронизывающий холод, а мурашки на коже начали подтанцовывать в бешеном, судорожном ритме под приглушённые, сдерживаемые нарастающие болевые стоны Серафимы. Но боль эта, к её облегчению, не была бесконечной, через полминуты она начала благополучно рассасываться, оставляя за собой лишь редкие, отдалённые холодные уколы, впивающиеся в чувствительную женскую кожу.

После некоторого времени, необходимого чтобы прийти в себя, Серафима открыла свои синие, слегка затуманенные болью глаза и вытащила из зубов влажную перчатку, сразу же намочив её оставшимся спиртом и попутно тщательно протерев отскочившую на одежду бурую гнойную жижу. После этого Серафима, выпрямив спину, продолжила свой путь, услышав на обратной дороге доносящиеся из госпиталя лишь непонятные, тревожные звуки соударяющегося металла об кафельный пол. «Опять Лоренд чудит со своими инструментами», — с лёгкой досадой подумала разгневанная Серафима, не обращая больше внимания на доносящиеся звуки.

Такими неспешными, уставшими темпами Серафима наконец дошла до своей комнаты. Из обычной, скромной коморки, похожей на армейскую казарму, но с крошечными штрихами уюта, веяло какой-то необъяснимо приятной и спокойной атмосферой. Настольная лампа мягким, тёплым светом обнажала лежавшую на столе детскую розовую книжку-раскладушку. Некоторые углы в стенке, у самой кровати, были разрисованы яркими, жизнерадостными фломастерами. А на самой аккуратно застеленной кровати виднелась небольшая россыпь детских игрушек, большинство из которых представляли собой яркие кукольные фигурки с розовой отделкой и белой, фарфоровой кожей. Вся комната, казалось, дышала яркой, солнечной энергией, переливаясь радужной, защищённой атмосферой, резко контрастирующей с внешним миром.

На кровати, свернувшись калачиком, лежала девочка. На ней было короткое розовое платье с клетчатой отделкой по подолу. Её белокурые, тонкие локоны растрёпанной волной закрывали лицо и плотно налегали на маленькие, хрупкие плечи. Она была прикрыта лёгким, синим одеяльцем, плотно прилегавшим к её маленькому, беззащитному тельцу. Само положение девочки безошибочно выдавало, что она погружена в глубокий сон. Казалось, этот сон был самым сладким, самым безмятежным и безопасным на всём белом свете.

Серафима неслышно вошла в комнату, захватив с собой на одежде шлейф неприятного запаха жёлтой жижи и разлагающегося тела. Её испачканная форма хоть и была наскоро протёрта, но всё же оставляла на себе тёмные, чёрные прогоревшие следы. Эти следы были похожи на тщательно прогоревшую ткань, выжженную на раскалённых углях и дополнительно приложенную к раскалённому металлу. Серафима лёгким, почти невесомым движением руки снова пощупала свою затягивающуюся рану и подошла к рядом стоящему на комодке небольшому зеркалу.

Хоть она временами и боялась зеркал, но только не здесь, в этой комнате. По ощущениям, в этой маленькой крепости её охраняли какие-то мистические, добрые силы, а также прямое, незримое влияние светлой, чистой девочки, которая, казалось, защищала мать от всех злых духов и ужасов внешнего мира.

Серафима взгляделась в зеркало и в своё уставшее отражение. Хоть Серафима и была всё ещё очень красивой женщиной в свои тридцать два года, но сложная, изломанная судьба, прошлая и нынешняя, заставила её в некоторой степени потерять свою былую, почти неземную красоту. Её былая, почти нечеловеческая, идеальная красота постепенно уступила место другой — более земной, одухотворённой, прошедшей через боль и потери, но обладающей своим уникальным, стойким шармом и внутренней силой.

Серафима бросила довольно медлительный, задумчивый взгляд на своё отражение и с обычным, привычно хладнокровным лицом отошла от зеркала к кровати. Она тихо, чтобы не разбудить, поцеловала девочку в прикрытый волосами лоб, ощущая исходящее от неё тепло, и, сняв тяжёлые сапоги, отстегнув кобуру со стилетом, осторожно легла рядом с ней, положив свою защищающую руку на её маленький, прикрытый одеялом живот. Так они и проспали около часа. Последнего мирного часа в их жизни, того самого короткого затишья, что всегда предшествует буре.

Первый тревожный знак появился уже в следующий час. Гулкий, нарастающий шум солдат, вызванный необъяснимым, животным страхом, наполнял всё помещение кипящим жаром паники и предвещал в себе нечто поистине ужасное. Звуки беспорядочного топота десятков ног складывались в один огромный, хаотичный строевой марш, от которого обычные бетонные стены начали мелко трещать, а металлические балки — резонировать, усиливая звук и отражая его обратно. Из-за отдалённости и изоляции комнаты Серафимы эти звуки доносились словно из-под толщи воды — отдалённые и приглушённые, такие, которые не могли как следует расслышать даже её чуткие, натренированные уши. Потому что они превращались в какие-то неразборчивые, сливающиеся воедино бормотания людей или каких-то уже непонятных, искажённых ужасом существ.

Спустя где-то полчаса в коридорах прозвучала пронзительная сигнализация, которая мгновенно и полностью привела в чувство как Серафиму, так и испуганную девочку. За мгновение проснувшись Серафима впала в убийственный, на долю секунды, ступор, сердце замерло, а потом забило с бешеной силой. Она инстинктивно, первым делом посмотрела на дочь и потянулась к ней, чтобы проверить, всё ли с ней в порядке, цела ли она.

В это время общее волнение, кипевшее за дверью, достигло своего максимального апогея. Сирена, сработавшая одновременно во всех комнатах, на мгновение приглушилась, уступив место громкому, властному диктаторскому голосу, не сулившему для оставшихся в живых ничего хорошего.

— ВНИМАНИЕ! ГОВОРIT ГЕНЕРАЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ БРАТ! ВСЕМ, КТО УСЛЫШИТ ЭТО СООБЩЕНИЕ, ПРИКАЗЫВАЮ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ПОМЕЩЕНИЕ И СПАСАТЬ ВСЕХ ВЫЖИ...

Это сообщение, произнесённое железным, непроницаемым голосом, побудило в Серафиме самые худшие, самые мрачные мысли. Связь оборвалась внезапно, на полуслове, сменившись ещё более громкой, воющей сиреной, действующей на барабанные перепонки самым наихудшим, болезненным образом. Напуганная до полусмерти девочка крепко обняла за шею Серафиму и всё шептала дрожащим, прерывающимся от слёз голосом:

— Мамочка, что происходит? Что это?

Серафима, в первый раз за долгие годы ощутившая настоящий, животный, всепоглощающий страх, могла лишь шептать в ответ, целуя её в макушку: «Всё будет хорошо, дочка. Всё будет хорошо, я с тобой!» Она бережно, но быстро усадила девочку на край кровати, а сама начала натягивать сапоги, на ходу поднимая со стола свой стилет и обнажая его холодное, блестящее лезвие. Прерывистое, сбивчивое дыхание Серафимы лишь усугубляло её нервное состояние, сжимая горло. Она подхватила девочку на руки, прижав к себе, и быстрыми, решительными шагами направилась к выходу из помещения. Нарастающая с каждой секундой общая тревога смешивалась в воздухе с диким, безутешным плачем маленькой девочки. Та успела на ходу схватить одну из своих любимых кукол, с глянцевыми волосами и фарфоровым личиком, и прижала её к груди так сильно, что тонкий фарфор начал трескаться, издавая тонкие, неприятные звуки.

Серафима резко открыла дверь, одной рукой крепко придерживая плачущего ребёнка. Пред её взором открылась картина настоящего ада: повсюду виднелись лежащие тела людей, обмазанные чёрной, маслянистой, мазутообразной жижей. Те немногие, кто были ещё живы, отчаянно, с последними силами бились с неясными в дыму тенями монстров. Среди всех этих трупов она узнавала лица почти всех своих сослуживцев. Всех тех, кто относился к ней с уважением, кто помогал ей, с кем она делила скудный паёк. Из их сломанных, неестественно вывернутых горл сочились густые кровавые выделения, а их внутренности были разбросаны по всему полу, как окровавленный мусор.

Рядом с самой дверью Серафимы, почти на пороге, располагался искалеченный труп сержанта Вибера. Его статное и всегда гордое лицо, сопровождавшееся неизменной высокомерной тщеславностью, теперь превратилось в сплошную кровавую кашу, с растерзанными чертами и жестоко выколотыми глазами. При мерцающем свете аварийной лампы это лицо превращалось в какой-то метафизический, потусторонний ужас. Это тело не просто было растерзано, оно было осквернено вмешательством тех тёмных сил, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Растерзанные, поломанные зубы сержанта хоть и были раздроблены, но каким-то чудовищным образом продолжали свисать в искривлённой челюсти, всё ещё связанные какими-то окровавленными мясными нитями и сухожильными узлами. Серафима смотрела на это тело и не видела в нём уже ничего человеческого, лишь уродливую пародию на жизнь.

Она ладонью закрыла глаза маленькой девочке, прижав её голову к своему плечу, и начала осторожно, но быстро ступать через груды трупов. Её ноги вязли и склеивались вязкой чёрной жижей. Малейшее трение подошв о пол способствовало мучительному и склизкому, замедленному движению. Оглушительные звуки сирены временами перекрывались короткими, отрывистыми звуками одиноких выстрелов. Эти выстрелы казались такими мимолётными и беспомощными, жалкими перед той неумолимой угрозой, что оскалила свои клыки в самом сердце базы. Пот крупными каплями стекал со лба Серафимы на окровавленный пол и сразу вступал в некое подобие химической диффузии с той странной жидкостью, что жадно бурлила и пузырилась под ногами.

С каждой секундой сирена стихала, захлёбываясь, уступая своё место нарастающему, дикому, нечеловеческому рёву, доносящемуся из глубины комплекса. Звук этого рёва резони-

ровал с металлических стен и потолка, становясь чем-то похожим на звук религиозного, пророческого горна. Того самого горна, который по древним преданиям сопровождал души грешников в последнее погребение, тем самым являя свой истинный, апокалиптический лик.

«Закрой глаза, дочка, крепче», — едва слышно шептала Серафима, слова которой можно было расслышать только вплотную, прямо у уха. Она бежала с ребёнком на руках по длинному, залитому кровью коридору, подсвечиваемому лишь яркими красными аварийными огоньками, создававшими в зале жуткую, предсмертную атмосферу. Казалось, эта могильная, давящая атмосфера была последним утешением для тех, чьи жизни безвозвратно унёс этот роковой день. Тем самым давая тленным душам ещё один, неосязаемый день жизни в тех мирах, где не ступит нога нечисти. В тех священных местах, где кровавая воля тьмы не сможет осквернить последний приют.

Ноги бегущей из последних сил Серафимы проваливались в липкий гной всё глубже и глубже, пока её ступни не начали тяжелеть и неметь, превращаясь в некое подобие цементных колодок. Физические силы стремительно уходили с каждой секундой. Серафима, задыхаясь от собственного волнения и ядовитого воздуха, из последних сил тащила на себе маленького, испуганного ребёнка. Чёрный, аварийный выход маячил в самом конце длинного, казавшегося бесконечным зала. Серафима мимолётным, скольльзящим взглядом мельком увидела распахнутую настежь дверь палаты госпиталя. За ней виднелись изуродованные, обезображенные трупы юных ассистентов Лоренда. Их мягкая, уже окоченевшая кожа глиняного, безжизненного цвета служила единственным, пронзительным доказательством чрезмерной, несправедливой молодости этих людей. Мимолётного взгляда Серафимы также хватило, чтобы с ужасом рассмотреть и незавидный, искажённый труп самого безумного Лоренда. Его тело удавалось с трудом распознать среди других лишь потому, что на срезе лица и подбородка остались некоторые редкие седые клочки его знаменитой бороды, которые с отчаянием цеплялись за опороченное, изувеченное лицо, держась из последних сил, как и их хозяин при жизни.

Сапоги Серафимы с противным, отвратительным хлопаньем отрывались от липкого пола, и этот звук, словно набатный маяк, привлекал внимание тварей, рыскающих неподалёку. Её измождённое тело начало судорожно колыхаться в такт бегу, предаваясь какому-то глубокому, первобытному страху. Это всепоглощающее чувство начало терзать её изнутри, выжимая последние соки, тем самым подталкивая её бежать ещё усерднее, ещё быстрее, через боль и отчаяние. Солдат, отчаянно противостоящих надвигающейся из темноты угрозе, с каждой секундой становилось всё меньше и меньше, а бешеный, победный рёв чудовищной толпы лишь нарастал, заполняя собой всё пространство. Но в один момент этот бешеный, хаотичный рёв начал сменяться одной мощной, оглушительной звуковой симфонией, единым гулом, который проникал прямо в мозг и превращал душу человека в адское пламя, застрявшее в вечной, беззвучной агонии.

Пол, усеянный нечестивыми тварями и останками бывшего гарнизона, был больше чем просто отвратительная декорация — это была дикая, саморегулирующаяся экосистема, живущая по своим чудовищным, непостижимым законам. Густая, тягучая слизь, сочившаяся из разлагающихся трупов, смердела затухлостью мусорных ям и раздробленным прахом, смешанным с чем-то ещё неопознаваемо кислым. Серафима бежала, не чувствуя ног, её тело работало на чистом адреналине. Воздух в её лёгких выжигал огнём каждую клеточку, но она бежала, из последних сил прижимая к груди самое дорогое — маленькое, хрупкое тельце, которое с каждой секундой становилось всё тяжелее, словно наливаясь свинцом.

— Мама... — едва пробирался слабый голосок маленькой девочки сквозь нарастающий рёв толпы и оглушительный грохот рушащихся перегородок.

— Я здесь, дочка, я с тобой, — задыхаясь, выдавила Серафима, и её собственный голос окончательно сорвался в хриплый шёпот. — Держись, выход близко. — проговорила она, сдерживая новый приступ кашля.

Но правды в этих словах не было ни капли. Последняя надежда на спасение угасала с каждой потерянной секундой. Этот бесконечный, проклятый коридор, залитый кровью и озарённый мерцающими аварийными лампами, казалось, намеренно вёл прямо в самое сердце преисподней. И среди этого месива из протухшего мяса и разорванных тел начали проявляться и другие фигуры. Это были не просто твари, а тени тех, кто своим самым порочным существованием осквернял саму природу, саму жизнь в её основе. Звуки стрельбы, ещё недавно символизировавшие хоть какое-то сопротивление, прекратились полностью, оставив после себя звенящую, гнетущую тишину, хуже любого шума. Тьма победила. Каждый рубеж обороны потерпел сокрушительное поражение. Но надежда Серафимы спасти свою дочь продолжала гореть в её груди ярче любой тьмы, охраняя её сознание как стальной, несокрушимый щит, отгоняющий саму мысль о сдаче.

В скором времени, с нечеловеческим усилием пробираясь сквозь липкую, вязкую жижу, Серафима заприметила знакомый холл. Эта большая, некогда просторная комната соединялась с длинным залом, превратившимся теперь в своеобразную дорогу напрямик в заражённый ад. Серафима, сжимая в окоченевших пальцах дочь, с трудом ступая по хлюпающему, предательскому полу, ввалилась в эту комнату без разбора, почти падая от изнеможения.

Первым, что бросилось в её воспалённые глаза, стали массивные полки, до потолка набитые пожелтевшими документами и папками. Кровь в этой комнате, хоть и являлась такой же излишней декорацией, к счастью, не представляла собой ту абсолютную, всепоглощающую структуру зла, что методично убивала последние проблески надежды в душе.

Серафима, переводя дух, бережно положила ребёнка на холодный, но относительно чистый участок пола и, повернувшись, с силой захлопнула тяжёлую металлическую дверь, щёлкнув самодельным засовом. «Всё хорошо, солнышко, всё хорошо», — торопливо, дрожащим голосом утешала она маленькую девочку, сама не веря своим словам. Спустя несколько драгоценных мгновений уставшая до полусмерти мать подняла взгляд на противоположную, такую же массивную дверь, ведущую к желанному выходу из штаба. Она, со стекающим по лицу едким потом, медленно попятилась к ней, затылком ощущая холодный металл, и замерла, прислушиваясь к доносящемуся снаружи рёву монстров. В какой-то момент эти звуки начали настойчиво просачиваться через дверной проём, становясь всё отчётливее, заставляя тонкие ручки ребёнка мелко и беспомощно дрожать. Девочка, с трудом умевшая связывать слова, прижалась спиной к холодной стенке, её плечики содрогались от рыданий. Она усиленно, безутешно плакала, не понимая и не осознавая всего ужаса, что творился вокруг неё.

В самый неподходящий момент из дырявой, прохудившейся крыши начала медленно стекать отвратительная, гнойнообразная жидкость, плотной, липкой паутиной проваливаясь прямо на притихшую девочку. Эта гнойная, зловонная слизь, смешанная с загустевшей кровью, медленно стекла прямо на её маленькие, беззащитные ручки. В это же самое время Серафима, не видя ничего вокруг, с яростью отчаяния взламывала замок на выходной двери, используя подобранные на столе металлические обломки и инструменты, в некотором сравнении напоминавшие ржавые, кривые отмычки. В её измученную голову жадно, обманчиво ударились звуки фантомных, давно отзвучавших выстрелов. Казалось, её разум начинал медленно отключаться, она уже не могла здраво отличить жестокую явь от порождённых страхом предрассудков. Сердце колотилось в бешеном, неровном ритме, отдаваясь болью в висках. Каждая секунда промедления ощущалась как последняя, как приговор. Всё её существо, весь её разум были сконцентрированы только на одном — открыть эту чёртову дверь. Она не видела, не замечала, как девочка в слепой, детской попытке протереть своё личико от слёз и пота невольно заносила на него липкую, ядовитую кровавую слизь.

Серафима с дрожащими, почти не слушающимися пальцами крутила изогнутый кусок стальной трубки в замочной скважине, с надеждой прислушиваясь, ждала тот самый, долгожданный спасительный щелчок. Нервный тик дёргал уголок её глаза, бросая всё тело в мел-

кую, предательскую дрожь. Несколько раз отмычка выскальзывала из её потных пальцев и с глухим лязгом падала на пол. Она с силой, граничащей с одержимостью, пыталась надавить на механизм замка, вцепившись в холодный металл.

На её прекрасном, искажённом напряжением лице проступили глубокие морщинки страдания. А кожа на всём теле начала приобретать нездоровый, сильно багровый оттенок от натуги и бессилия. Так продолжалось несколько вечных минут, пока наконец последний, самый упрямый замок не издал сдавленный, но такой звонкий и желанный щелчок, знаменующий долгожданное открытие двери.

Серафима, почти падая от облегчения, быстрым движением повернулась к дочери, чтобы подхватить её и бежать. Но то, что она увидела, заставило её кровь похолодеть в жилах. Это была уже не её дочь. Кожа ребёнка начала резко коченеть, приобретая серый, землистый оттенок. Глаза залились мутной кровью, а из их уголков сочилась тёмно-жёлтая, густая гнойная жидкость. Она сидела, неестественно выпрямившись, как фарфоровая статуэтка, уставившись в пустоту перед собой. Её детские, когда-то ясные глаза стали абсолютно пустыми, бездонными. В них не осталось и следа чего-то человеческого, лишь ледяное, безжизненное отсутствие. Серафима, с колотящимся в панике сердцем, медленно, как во сне, подошла к дочери. Горькие, солёные слёзы сами потекли по её грязным скулам, оставляя белые дорожки. Шум выстрелов, странным образом, всё ещё гремел где-то в отдалении, обманывая слух и оставляя призрачную, бессмысленную надежду на чудо. Короткие, аккуратные ногти ребёнка вдруг начали неестественно удлиняться и темнеть, превращаясь в некое подобие обнажённых, хищных костяных когтей. Серафима, рыдая, коснулась складки её когда-то розового, а теперь запачканного платья, беззвучно шепча молитвы и умоляя неведомого бога спасти её дитя. Спустя несколько мучительных мгновений девочка медленно, с трудом, будто сквозь толщу воды, перевела свой затуманенный взгляд на мать, и в этой последней вспышке сознания чувствовалась отчаянная, предсмертная борьба света над наступающей тьмой.

— Солнышко моё... не покидай меня, — всхлипывая и захлёбываясь собственными слезами, с трудом проговорила Серафима, глядя её похолодевшую щеку.

— Мамо... чка... — тихий, безжизненный, искажённый голосок, словно преодолевая невероятную преграду, чётко вырвался из самой глубины осквернённого существа.

Это были её последние опознаваемые, человеческие слова. В следующие минуты последовали лишь неразборчивые, гортанные бормотания, которые, в свою очередь, прерывались тихим, нечеловеческим плачем и нарастающим, сырым звериным рёвом. Казалось, тело маленькой девочки теперь принадлежало кому-то другому, какому-то чужеродному существу, которое лишь оставило ей жалкое право наблюдать за своими действиями из глубин сознания, но не вмешиваться в их необратимый ход.

Серафима в отчаянии обнимала холодную, безжизненную тушу, в которую превратилась её дочь, безостановочно повторяя лишь одни слова — слова прощения и любви. Она не могла её покинуть, но одна лишь мысль о том, во что та окончательно превратится, ломала Серафиму изнутри, парализуя волю. В это же время обманчивые звуки выстрелов нарастали, становясь лишь громче и отчётливее, порождая какую-то странную звуковую волну, которая резонировала со стенами, усиливаясь. Серафима, почти не осознавая своих действий, взяла в руки блестящий, холодный стилет, с ужасом думая лишь об одном — остаться со своей девочкой навсегда. Уйти в другой мир, где не будет этой скверны и хвори, в тот вымышленный рай, где они смогут спокойно пить гранатовый сок, не думая о том, что он цвета запёкшейся крови. Но её рука не решалась сделать это. Потому что в её голове, помимо всепоглощающей материнской любви и боли, звучал и другой, выдрессированный годами голос. Это был голос солдата, чёткий и безжалостный, голос, обязующий выполнять приказ любой ценой, даже ценой собственного сердца. Её тернистые, разрывающие душу размышления начал прерывать новый, удушающий и совершенно звериный рёв, вырывающийся из горла её дочери. Та начала кон-

вильсивно дёргаться, беспорядочно и неестественно закидывая голову под разными углами. И в следующую, леденящую душу секунду её дочь начала дико, судорожно задыхаться. Она хрипела, кашляла и дёргалась в агонии, уже взрослыми, сильными руками с когтями безумно сжимая своё собственное, перекрученное горло. Серафима лишь закрыла глаза и зажала уши, пытаясь уйти в себя, спрятаться от кошмарной реальности. Но все душераздирающие звуки — хрипы, рёв и тот ужасный, влажный хлюпающий звук — она слышала даже сквозь плотную завесу собственных пальцев, они проникали прямо в мозг, в самую душу.

В скором времени в очередной судорожной попытке вздохнуть девочку вырвало. Её кислотная, едкая рвота угодила прямо на закрытое лицо Серафимы, прожигая кожу и добираясь до плоти. Прекрасное ангельское лицо вмиг превратилось в уродский, обугленный ландшафт скорби и невыносимой боли. Она издала адский, нечеловеческий вопль, который вырвался прямо из глубины её израненного горла. Лицо, осквернённое ядовитой рвотной массой, не заразило её, а глубоко прожгло, так, что кожа начала пузыриться и лопаться, обнажая мышечную ткань и создавая картину кромешного ужаса. Твёрдые, натренированные женские руки, принявшие на себя основную часть ядовитой заразы, обнажились почти до костей, но при этом каким-то чудом, силой воли, сохранили свою работоспособность. Лицо же, ставшее эпицентром этого химического взрыва, было уничтожено. Но по жестокой случайности или невероятной удачливости кое-что уцелело. Это были её синие, ясные глаза, теперь светившиеся одной адской болью, и её алые губы, которые, парадоксальным образом, ничуть не потеряли своей странной, трагической привлекательности на этом фоне всеобщего разрушения. Девочка, очистившаяся от внутренней тяжести, в последнем проблеске осознания попятилась к матери, в её глазах на мгновение мелькнуло что-то знакомое.

В эту секунду гулкий, оглушительный выстрел, раздавшийся словно из ниоткуда, нашёл свой отклик в голове бывшей девочки. Она рухнула замертво, как будто ждала этого выстрела как освобождения от вечных мучений. Из её головы начал сочиться и вытекать на пол густой, холодный томатный сок, положивший окончательный конец этой обречённой, скитающейся душе. Это не был выстрел из обычного пистолета, а чем-то напоминал залп крупнокалиберной снайперской винтовки, с длинным прицелом и мощным глушителем, который лишь приглушил, но не скрыл всю мощь звука. Серафима с прожжённым, искалеченным лицом не могла понять, что происходит, инстинктивно закрыв его обрывком холодной ткани от своей одежды. Но, в свою очередь, она слышала все звуки, хотя и незаметные, и малозначительные на фоне её собственных, кричащих звуков отчаяния и мольбы о помощи.

В зал, словно тень, вошёл высокий, могучего телосложения мужчина средних лет, с идеально ухоженными, седеющими бакенбардами и аккуратной седеющей лысиной. В одной его руке, обтянутой кожаной перчаткой, он держал массивный, дымящийся револьвер, а в другой — плотную, дорогую сигару. Его благородное, но испещрённое шрамами и очень жестокое лицо светилось холодной, искренней яростью. Но ярость эта была не горячей и безумной, а какой-то равнодушной и леденяще холодной. Казалось, стальная, негибкая воля и безжалостный расчёт этого человека давно заменили ему сердце, превратив все внутренние органы в сплошной, непробиваемый титановый сплав. Он был одет в идеально приглаженный, длинный зелёный плащ с небольшими, чёткими складками. Его хмурое, каменное выражение лица выдавало бесконечную, почти надменную храбрость, но вместе с этим и железное, не терпящее возражений желание, чтобы все безоговорочно считались с его волей. Его лицо с идеально выбритыми усами было украшено несколькими свежими ссадинами, а его сморщенная, потрёпанная жизнью кожа всё ещё блестела некой юношеской, стальной задорностью. Кроме плаща, на его плотном, мощном теле держались прочные зелёные джинсы, с широким кожаным ремнём с массивной пряжкой, не дающим широкой одежде упасть.

За спиной сурового старика, словно пресмыкаясь, показался другой мужчина. Это был плотный, коренастый мужчина со злым, перекошенным ненавистью выражением лица. Его

опухшее, заплывшее лицо выдавало глубокую, застарелую ненависть к Серафиме, а его разбитый, сломанный нос и синяки выражали звериную, неутолимую ярость безумца. Он был одет в грязную шёлковую кофту с разодранными предплечьями и в мятые спортивные штаны грязно-красного цвета. Через его разодранные предплечья были отчётливо видны горящие ярко-красным цветом татуировки, замысловатый рисунок которых напоминал яростно горящего буйвола с пепельной, мёртвой головой.

— Позволь мне добить эту тварь! — выговорил дезертир Валерон с кривой, торжествующей улыбкой, обнажив свои сломанные, почерневшие зубы с воспалёнными, кровоточащими дёснами.

Выпустив створчатый клубок дыма, могучий старик промолчал. Он взглянул на раздробленную голову осквернённой девочки. Той, чью жизнь, изменённую и порочную, прервал он минуту назад своим выстрелом.

Это зрелище, символизирующее погибель старой жизни, привело старого солдата в некоторую меланхолию, чем-то схожую с состраданием. Но на дезертира вышеупомянутая сцена оказала только эксцентрично удовлетворительные чувства. Его месть наконец-то свершилась.

Он прошёл около бившейся в судорогах боли Серафимы, прямо к убитой девочке. Со словами «гори в аду» он плюнул на пол, обругался и вернулся на своё место.

Это стало последней каплей.

На секунду в помещении воцарилась гулкая, давящая тишина, и в следующее мгновение мужчина в зелёном плаще, не меняясь в лице, с силой, сравнимой с ударом кузнечного пресса, зажал свой могучий, покрытый шрамами кулак и ударил дезертира в мягкую, незащищённую плоть лица, намеренно не задев при этом его и так разбитого носа. В следующее мгновение изо рта дезертира вылетел одинокий сломанный зуб, вылетевший с такой чудовищной силой, что, казалось, готов был с импульсом пробить бетонную стену и расколоться вдребезги. Дезертир рухнул на колени, издав лишь длинный, захлёбывающийся стон, сопровождающийся волной адской боли и выходом из его ротовой полости тонкой струйки тёмной крови. Но, в свою очередь, эти стоны были тут же приглушены отчаянными, душераздирающими криками Серафимы, которые звучали гораздо более пронзительно и болезненно, чем все стоны этого ничёмного идиота. Старик же лишь с холодным, аристократическим равнодушием взглянул на согнувшегося дезертира. Он бросил на него презрительный взгляд, такой, каким хозяева смотрят на своих самых бестолковых подчинённых. В его глазах читалась звериная, первобытная ярость, та, которая подчиняет своей воле без единого лишнего слова.

Сигара, до этой секунды находившаяся во рту старика, была вынута и, как наказание за своеволие, была погашена об лицо дезертира. Его мучительные крики возобновились, а огромные лапы стали придерживать место ожога.

Но всё же через несколько тяжёлых мгновений старик открыл свой рот и, обнажая ряд идеальных, холодных золотых зубов, произнёс доказательство своих действий:

— Я — Генерал Железный Брат, дезертир. Никто не смеет действовать без моего ведома, — диктаторским, низким басистым голосом, который заглушал всё вокруг, выговорил он, и его громовые слова прозвучали сквозь болезненные крики Серафимы и Валерона, придавая его голосу ужасающую, абсолютную непоколебимость. — Забери женщину. Она не должна умереть! — закончил он, бросив короткий, оценивающий взгляд в сторону потерявшей сознание Серафимы, и, развернувшись, твёрдым шагом вышел из помещения, издав лишь громкий, стучащий звук своей кожаной обуви по бетонному полу. При его выходе его руки были гордо заложены за спину, а плотная сигара, тлеющая у него во рту, вступала в свою молчаливую схватку с заражённым воздухом помещения. Его итоговая, властная поза перед выходом безошибочно выдавала в нём безумную, почти безрассудную храбрость. Ту самую храбрость, что способна изменить судьбу целой планеты, даже вступая в заведомо безнадежную схватку с бесчисленными полчищами монстров.

Безумный дезертир в это время лежал, свернувшись калачиком, как побитая собака. Он закрыл своё лицо руками, пытаясь спрятать гнилую, трусливую душу за несколькими слоями тихих, сдавленных бранных слов, всегда служивших ему орудием для уничтожения тех, кто слабее и беззащитнее его. Его скупые, полные ненависти звуки, исходившие из самых глубин его гнилой сущности, стали на время единственным глухим голосом в опустевшем помещении. Сигнализация окончательно вырубилась, монстры затихли, хотя и делали редкие, ослабевшие попытки ворваться сквозь прочную металлическую дверь. Пронзительные крики Серафимы постепенно уступили место полному, беспмятному бессознательному состоянию. А перекошенное гневом лицо Валерона, казалось, жаждало заживо сожрать всех своих обидчиков и ненавистников, выместив на них всю свою злобу.

Спустя несколько минут он с трудом поднялся на ноги. Кровь хоть и продолжала сочиться мелкой струйкой из его раны, но делала это уже медленнее и гораздо спокойнее. В скором времени он, тяжело дыша, подошёл к бессознательному, искалеченному телу Серафимы и пристально, с ненавистью и чем-то ещё, пригляделся к ней. Он скользнул взглядом на валявшийся рядом холодный, блестящий стилет, похожий на хирургическое шило, и поднял его своими огромными, мозолистыми руками. В его воспалённом, больном сознании играло звериное, примитивное противостояние животной похоти и жажды мести. Он смотрел сверху вниз на это беспомощное женское тело, предаваясь низменным, порочным желаниям. Он стоял над ней, как тот, кто превосходил, доминировал и теперь имел полную власть. Но помимо животной похоти в безумце боролось и другое, более сильное чувство — это была гремучая смесь бесконечного, панического страха перед Железным Братом и такого же всепоглощающего страха перед неминуемой смертью без его помощи и покровительства. Он лихорадочно прокручивал в своей голове разные, самые грязные и жестокие сценарии, взвешивая мимолётное удовольствие против леденящего душу наказания. И все его мысли, без исключения, сходились на одном — его неминуемой и, вероятно, мучительной смерти от руки Железного Брата. Этот мускулистый великан, наделённый недюжинной физической силой, до дрожи в коленях бесконечно боялся одного лишь взгляда этого старика. Он также украдкой подумывал сделать всего один маленький, аккуратный надрез на изящной, красивой шейке Серафимы и закончить её мучения, заодно исполнив свою месть. Но как бы ему ни хотелось стереть с лица земли все унижительные воспоминания, связанные с ней, он не мог этого сделать. Он знал её. Знал давно. И он прекрасно понимал, что самая сладкая, самая изощрённая месть — это оставить её в живых и с наслаждением наблюдать, как её некогда стальная, негибкая воля медленно, день за днём, превращается в прах и пыль без своей единственной, любимой соплячки-дочери.

С такими ядовитыми, гнилыми рассуждениями он растянул губы в широкой, кровавой улыбке и, кряхтя, достал из своего дырявого, засаленного кармана пару старых, но целых бинтов и начал кое-как заматывать её самые страшные раны, стараясь не смотреть на обугленное лицо. Он несколько раз с отвращением отворачивался и боялся прикоснуться к её повреждённой коже, опасаясь какого-то заражения, мутации. Но вонь от обожжённого лица Серафимы, на его удивление, не была смердящей или тлетворной, а представляла собой резкий, но почти что человеческий запах горения кожи и плоти, не похожий на смрад монстров, а являвшийся чем-то горьким, трагическим и не до конца осквернённым. Подняв её бессознательное, почти невесомое тело, он поволок его к выходу, прибрав к рукам заодно и её драгоценный, блестящий стилет — трофей, доказательство его мнимой победы. Но не её саму. Не её волю. Её он оставлял жить, и в этом была его главная, садистская цель.

А сзади, в центре опустевшего зала, на холодном бетонном полу осталось лежать лишь маленькое, бездыханное тельце когда-то милой девочки, обречённой так рано покинуть этот жестокий и несправедливый мир. Но, к счастью, хоть её хрупкое тело и было жестоко осквернено и изувечено, её чистая душа была вовремя спасена от дальнейших мучений. И её остекленевший, бездыханный взгляд, казалось, навсегда остался прикованным к спине уходящей

матери, к той единственной на всём свете особе, что любила её больше жизни, и, к величайшему горю, той, что никогда уже не сможет встретить её вновь.

Лик больницы

Долгая, удушающая ночь сменялась протяжным, безрадостным рассветом. Запах обветшалых зданий, поражённых тлением трупов, медленно растворялся в утреннем просторе, создавая странную и гнетуще мистическую атмосферу. Казалось, мир возвращался к мнимому, исходному состоянию, породив это безбожное насилие ради иллюзорного первоизданного блага. Но в этих наивных словах не было и капли правды. Всё, что происходит в покинутом богом мире, не может быть высшим замыслом. Бог не сделал бы жизнь своих рабов хуже того ада, в котором они находились до конца света. Может, злая, эгоистичная натура людей, их чёрная сущность наконец рвётся наружу, и поэтому бог покарал нас своим справедливым, всепокрушающим гневом.

Все эти сумбурные, тяжёлые рассуждения находили отклик в спящей, измученной голове Саманты. Её голова лежала на мягкой подушке, создавая обманчивое ощущение возвращения в тот былой, невозвратный мир. Обмякшее, измождённое тело впервые за долгое время выпало среди дней тоски, бега и боли. Отдохнувшая, но не зажившая нога ныла тихой, фоновой болью, оставаясь в тени другого, терзающего шрама на лице. Рядом с ней, прижавшись к стене, находился Люцио.

Его красные, не по-детски серьёзные глаза всё так же светились знакомым багровым оттенком, преисполняющим юную душу странной, упрямой человечностью. Но сейчас, кроме этой привычной храбрости, в них виднелась и простая телесная усталость. Мальчик всю ночь не сомкнул глаз, карауля захолустный дом от появления нечестивых монстров. Доказательством служила острая заточка, до белизны костяшек сжатая в его маленькой, но сильной руке. Лицо его было повернуто к Саманте. Казалось, в глубине глаз скрывалась плохо скрываемая ненависть, но это было ничем иным, как естественным страхом и защитной реакцией загнанного зверька. Спящее, разгладившееся лицо Саманты наполовину закрывала её собственная рука, прикрытая густыми, волнистыми прядями тёмных волос.

Вскоре тяжёлый сон отпустил Саманту, безжалостно возвращая в осознанный мир. Первое, что она увидела, медленно открыв глаза, — пристальный, неотрывный взгляд мальчика. Эти красные, горящие глаза сияли настороженностью и глухим недоверием, просачиваясь в душу и обнажая все старые, не зажившие раны.

Она с тихим стоном поднялась с холодного пола, отрывая отяжелевшую голову от неожиданно мягкой подушки. Девушка не помнила, чтобы засыпала на чём-то подобном, — возможно, поэтому сон был так спокоен и упоителен, почти как в прежней жизни.

Взор мальчика, пронизывающий и пристальный, смотрел на неё чётко и прямо.

Когда Саманта начала просыпаться, Люцио устало положил заточку на стол, выпрямился и зашагал по комнате, давая понять: теперь ему защищать некого.

— Проснулась? Или хочешь ещё поспать? — тихо, почти шёпотом, дразнил мальчик, не меняя выражения лица.

— Как видишь. А ты разве не спал?

— Кто-то должен был охранять территорию, — гневным, но уже без прежней силы тоном выговорил Люцио, словно оправдываясь.

— И этот «кто-то» — ты. Верно?

Мальчик скривился в бунтарской гримасе и заметался по комнате. Он переводил взгляд с потрескавшейся стены в пустоту. И в итоге исподлобья глянул на Саманту.

— Я тут больше никого не вижу.

Эта неуклюжая, детская гримаса заставила Саманту улыбнуться.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Вообще-то у меня есть имя.

— Так сколько тебе лет, Люцио? — Она выделила последний слог.

Мальчик принялся задумчиво считать на пальцах. Несколько раз начинал заново и каждый раз останавливался на мизинце правой руки, загнув все пальцы левой.

— Это уже не имеет значения, — отрезал он, прервав счёт в четвёртый раз. Вероятно, осознавал значение своего возраста и не желал казаться маленьким и слабым. — Теперь это уже не имеет значения, — повторил его язык.

В его дерзких выходках и пессимистичном взгляде чувствовалось страстное желание казаться старше. Смешной, наигранно-грубоватый тон, стоящий за настоящей грубостью и храбростью, побуждал в Саманте давно забытые, тёплые человеческие эмоции — казавшиеся уже бесполезным пережитком прошлого.

Улыбку Саманты исказила острая боль из собственной раны. Она машинально потрогала ожог, ощутив под пальцами стянутую кожу. «Я всё ещё жива», — пронеслось в голове, пока она следила за хаотичным движением своих пальцев. «Надеюсь, Серафима тоже жива», — уже шёпотом выговорила она, сжимая холодную руку в кулак, пока костяшки не побелели. Одна мысль о неотвратимом положении Серафимы вновь ставила её в ступор, а гложущая вина поглощала целиком, забирая последние жизненные силы.

Бледный, холодный свет сочился в полуразрушенное помещение, возвещая короткое отступление ночной тьмы. Несмотря на внутренние волнения, тернистая дорога в больницу Смита должна была продолжиться.

Она посмотрела на ковыряющего свои пальцы Люцио и невольно нахмурилась, выпятив пышные, волнистые брови. Логика подсказывала: оставить ребёнка одного в этом аду — значит наплевать на его хрупкую жизнь, которую в любую минуту могут оборвать монстры.

Саманта воспринимала свою жизнь как огромный, неуплаченный долг — мучительный, давящий, уже грозящий стать главным смыслом её выживания. Она уставилась на храброго, но маленького мальчика, всё ещё играющего с пальцами. В её уставших глазах вспыхнула живая искра — свидетельство внезапного порыва: любой ценой увести Люцио из смертельно опасного района.

Она твёрдо решила: не уйдёт, пока не уговорит или не заставит его пойти с ней. Девушка опустила на одно колено, её мягкие, но исцарапанные руки коснулись раненого колена — поза дышала негибимой решимостью.

— Ну, что будешь делать дальше? — нарочито притворным голосом спросила она, глядя Люцио прямо в глаза.

«Только, пожалуйста, не говори, что хочешь остаться», — пронеслось у неё в голове.

— Я не знаю. Останусь здесь. Попытаюсь выжить.

— Ты не выживешь один! — прагматично, бескомпромиссно возразила женщина, качая головой.

— Я выживу! Мне уже приходилось встречаться с ними, — упрямо парировал он.

— Все мы так думаем поначалу. Но никто не совладеет с этой тьмой в одиночку. Можно отсрочить гибель. На час. День. Месяц. Но рано или поздно она проникнет в душу, как проникла в почву.

В пыльном, заброшенном помещении повисла мёртвая тишина, прерываемая лишь глубоким дыханием и заунывным плачем монстров издалека. Саманта испугалась своей же прямолинейности и жестокой правды. Перед ней был ребёнок — тот, кто, может, и убивал, и принимал недетские решения, но всё же шестилетний ребёнок.

Её жёсткость могла навсегда сказаться на его ранимом восприятии этого порочного мира. Девушка с холодным ужасом представляла, кем вырастет Люцио, если в решающий момент не совладеет с тёмными инстинктами. Именно эта мысль, этот призрак будущего монстра стала пугать её больше любой внешней угрозы.

— Прости. Я сказала слишком много, — проговорила она, сама удивляясь проступившей в голосе почти материнской мягкости, сменившей привычную хладнокровность.

— Нет. Не извиняйся. Ты сказала правду, — выпалил он и снова заметался по комнате, как загнанный зверёк. — Всё изменилось. Я понял это в тот миг, когда мой папа... — ребёнок замолк, не решаясь выговорить слово до конца, голос сорвался.

Он попытался вспомнить иной мир. Красочный, добрый, справедливый. Где зло, словно полуночный хищник, пряталось во тьме, боясь истребления светом.

Но он не помнил.

Лишь мелкие фрагменты всплывали в мыслях и снах. И он всегда думал, что это иллюзия, глюки, вызванные более светлым восприятием нынешнего мира.

— Это произошло в полицейском участке? — с нарастающей настороженностью, но очень тихо спросила женщина.

— Откуда ты знаешь? — сжимая и разжимая кулак, будто своя плоть стала чужой, выговорил он.

— Я... видела сон, — неуверенно, запинаясь, ответила Саманта, её пальцы нервно переплелись. — В нём мальчик с мужчиной пытались выбраться из участка. Мужчину убили... а мальчик сбежал через окно. — Она прокашлялась, скрывая дрожь в голосе.

Ответ поставил мальчика в оглушающий ступор. Он снова заметался, сердцебиение стало таким громким, что, казалось, слышно в тишине. Сквозь маску храбрости и грусти пробились горячие слёзы. Он смахивал их тыльной стороной ладони, вздымая пыль. Затем резко подошёл к Саманте и впился пальцами в её плечи. Красные глаза впились в душу, пронзая все чувства, страхи и тайны. В них читалась только искренняя боль — та, что отличает человека от животного, а жертву от палача.

— Поклянись, что это был всего лишь сон! — голос сорвался на истеричный шёпот, полный свирепой надежды. — Поклянись, что тебя не было в том участке, когда на нас напали! Если почую ложь — убью. Своими руками.

— Клянусь. Меня там не было, — ровно, спокойно ответила она, не отводя взгляда.

Ребёнок всматривался в её холодные, ясные глаза, щурясь, и не находил лжи. Его маленькие, цепкие пальцы понемногу разжались, отпуская плечи.

— Ладно, — багровый оттенок ярости медленно сходил с его лица.

Он вновь заходил по комнате, обильно вытирая слёзы.

— Послушай, — в голосе девушки зазвучала знакомая звонкая сталь. — У нас нет времени на пререкания. Знаешь, что ещё я видела в том сне? Что тебе спасли жизнь. Как когда-то спасли и меня. Но разница в том, что у тебя сейчас нет шанса отплатить. А у меня — есть. Я иду в больницу за лекарствами. Не чтобы вернуть долг. А чтобы выжечь совесть дотла, понял? — она отчеканила это без тени сантиментов и резко встала, опираясь на раненое колено.

«И зачем я всё это рассказываю шестилетнему ребёнку?» — горькая правда просачивалась в мысли.

— Ты не дойдёшь, — прерывисто, с надрывом проговорил Люцио. — Это плохое место. — губы дрогнули. — Когда я бежал из участка, хотел укрыться там, но у входа наткнулся на монстра. Необычного. Злого. Ноги распухшие, из тела что-то лилось. Это «что-то» осталось на моей куртке — гляди! — он указал на большую прожжённую дыру рядом с нарукавником.

— Ты знаешь дорогу?

— Пожалуйста, не ходи туда, — почти умоляюще прохрипел мальчик.

— Я должна.

— Ты никому ничего не должна, — почти выкрикнул Люцио.

— Ты ничего не понимаешь. Я...

— Я понимаю лишь, что та, кто отдала мне свою еду, не должна умирать! — глаза Люцио вспыхнули кровавым огнём, но теперь в нём горела не злоба, а непонятная ему самому жажда защитить.

— Я исполню свой долг.

— Это глупо! Чистейший эгоизм!

— Ты должен пойти со мной, — через тяжёлую паузу, уже почти не надеясь, проговорила Саманта.

Она ощутила всю глупость этого утверждения, только когда слова вылетели.

— Я не желаю рисковать своей жизнью ради того, чтобы ты кого-то спасала.

— Но... — упрямо приблизилась она. — Я понимаю.

Этот короткий диалог окончательно убедил её в непоколебимости решения мальчика. Она не могла и не хотела уводить его силой. И в глубине души боялась брать ответственность за его жизнь, если бы он согласился. Она молча взяла потрёпанную сумку и снова крепко обхватила стилет. «Нельзя терять ни секунды». Люцио, сидящий на краю кровати, не сводил с неё взгляда, пытаясь запомнить каждую черту. Она бросила последний мучительный взгляд и попятилась к двери.

— Ты уходишь прямо сейчас? — грустным, детским тоном, который он тут же попытался скрыть, прошептал мальчик.

Он страшился очередного одиночества.

— Люцио. Если я вернусь... я найду тебя. Обещаю.

— Ты слишком много обещаешь, — с горькой, неумелой иронией выдавил мальчик, надувая губы от беззащитности.

— Ты слишком умён для своих лет.

— А ты слишком глупа для своих.

— Какая есть.

Тягучее время застыло под ногами, превратив пол в липкую смолу. Саманта не могла сделать последний шаг. Тупая боль пульсировала в ожоге, перетекая на старую рану. Люцио уставился на рюкзак, взгляд стал отсутствующим. В глазах играло скрытое желание и отчаянная тоска, тут же притупляемые холодным прагматизмом выжившего. Нить времени в разрушенном мире двигалась хаотично. Для Саманты и Люцио минуты прощания тянулись мучительно медленно, растягиваясь в вечность и создавая невыносимую тревогу. А для тех, кому повезло меньше — как для Серафимы, запертой в темноте, — время было безжалостно тающим ресурсом, тонкой нитью, отделяющей от смерти. И Саманта знала: её запас этого ресурса на исходе.

Она собрала волю в кулак, подошла к скрипящей дверной ручке. Рука повисла на холодном металле. Открыть дверь оказалось тяжелее, чем выдержать бой. И когда внутренняя битва уже подходила к концу, дверь вдруг открылась сама — изнутри. И в комнату вместо враждебного мира ворвалась робкая, неловкая тишина.

— Ладно! чёрт с тобой. Пошли! — резкий, сдавленный голос мальчика прорезал пустоту. — Ты права. Я не могу отплатить за свою спасённую жизнь. Но могу попытаться спасти чью-то ещё. Или просто... не сдохнуть тут в одиночку.

Он спрыгнул с кровати, голос дрожал от ярости на себя, на её упрямство, на весь проклятый мир. Он посмотрел на Саманту не взглядом ребёнка, а взглядом загнанного, но не сломленного зверя и дрожащими руками начал сгребать в сумку немногие пожитки. Засунул несколько пустых жестяных банок, оставшихся от вчерашней трапезы, и тяжело подошёл к ней.

— И да. Запомни! Это не ради твоей совести. Это ради... — он запнулся, лицо исказилось от невозможности подобрать слова.

Саманта смотрела на него и видела уже не испуганного ребёнка, а искалеченную личность, разрывающуюся между инстинктом самосохранения и чем-то более глубоким. Никто

не улыбался. Никто не говорил «спасибо». Их общая боль и тоска находили неожиданное утешение друг в друге, перетекая из душевного недуга в тихую, но глубокую моральную силу — единственное, что могло помочь противостоять нависшей над миром тьме.

Они выскользнули из убежища и замерли. Орда монстров всё так же лежала на дороге, безмолвная и страшная, порождая вокруг себя дикую экосистему. Трупы гнили, исторгая желчную жидкость, но их положение изменилось — за ночь они подползли ближе к дому. Тела некоторых уже зарастали болотным мхом и бурной растительностью, жадно питавшейся этим удобрением.

— Держись позади, — прошептала женщина, делая первый шаг.

— Я умею выживать сам! И не беспокойся! — огрызнулся Люцио, гордо выпрямляя спину.

— Я и не сомневаюсь.

Они вышли на солнечную, но смердящую дорогу, залитую почерневшей кровью и уставленную растерзанными машинами — как игрушками брошенного великана. Саманта уже не обращала внимания на гнойный запах и желтоватый туман. Но Люцио он бил в нос с новой силой. Он заткнул нос грязным рукавом и стал дышать ртом, попутно выругавшись.

— Я не привык к этой вони!

— А разве к ней можно привыкнуть? Хнычь или не хнычь, дышать всё равно придётся.

— Дышать придётся, только если выживем!

— Я сегодня умирать не планирую.

Они прошли несколько закоулков, и Люцио отступился.

— Мой папа всегда говорил: не в нашей власти повелевать жизнью или смертью.

— Очевидно, он ошибался.

— Почему?

— Потому что в этом мире единственное, чем мы повелеваем, — это отсрочкой. Отсрочкой своей жизни перед лицом смерти.

Короткий философский диалог исчерпался. Они шагали сквозь поле разлагающихся трупов. Вонь заставляла лицо Люцио морщиться, он прижимал тряпку к носу всё плотнее. Рука Саманты намертво приросла к рукояти стилета — пальцы словно срослись с оружием, превратившись в смертоносное целое.

Она передвигалась по скользким останкам осторожно, стараясь не наступать на жёлтые и чёрные лужи жижи. Вина, сплетённая с новой ответственностью, строго влияла на каждое действие. Целью теперь было не только «выжечь совесть», но и сохранить последний огонёк человеческого наследия — выжившего ребёнка.

Они молча шли несколько долгих часов без отдыха. При каждом шаге хлюпанье массы отдавалось в тишине ударами по барабанным перепонкам. Мерзкий влажный шум бил по нервам, создавая глухой дискомфорт. Мурашки бежали по спине. Морозные иглы выходили из раны на лице и пронзали тело холодом. С каждой минутой количество трупов росло, достигая невообразимых масштабов и создавая ощущение приближения к эпицентру тьмы.

— Надеюсь, мы не ошиблись с дорогой, — кашлянула Саманта, пробираясь сквозь зловонную улицу Дангар.

— Мы идём правильно, — коротко отчеканил Люцио.

— Надеюсь.

На мрачной, затянутой туманом улице стоял обеденный час, но солнца не было видно. Гулкую тишину прерывали лишь омерзительные звуки шагов. Но временами из отдалённых переулков доносились другие звуки — отрывистые, похожие на выстрелы. Эти призрачные сигналы внушали Саманте хрупкую надежду: сопротивление ещё не сломлено. Вскоре взгляд выхватил из упадка следы человеческой деятельности. На стене ветхого, наполовину обрушен-

ного дома был выведен углём и чем-то тёмным странный знак — грубый, но узнаваемый рисунок.

Изображение скрещённых длинного пистолета и дымящейся сигары. Рисунок начерчен алым, густым — очень похожим на засохшую кровь. Саманта осторожно приблизилась, жестом приказав Люцио оставаться. По мере приближения детали проступали чётче. Пистолет оказался массивным револьвером с витиеватой отделкой. Над сигарой вился тщательно выведенный клуб дыма — своеобразная печать, маркер уникальности.

Прямо под рисунком корявыми, но жирными буквами была высечена надпись. Разобрать её можно было лишь вплотную. Саманта, щурясь, прочитала: «ЗНАК ЖЕЛЕЗНОГО БРАТСТВА». Дальше зрение не смогло найти закономерность в смазанных словах. Она обернулась к Люцио, собираясь спросить, но он не ответил. Всё его внимание приковал маленький розовый рюкзачок у подножия раздувшегося трупа. Рюкзак был разукрашен перламутровыми звёздочками и цветочками, с кожаными вышивками; к одной из них привязана маленькая плюшевая игрушка, когда-то напоминавшая куклу. Люцио попятился к сумке и потянулся к ней, но наткнулся на стальной окрик:

— Ты с ума сошёл?! Не прикасайся к этой гнили.

— Почему? — непонимающе спросил он.

— Сумка вся в этой дрянной жиже.

— И что? Меня же не убьёт эта жижа. Верно?

Женщина прерывисто вдохнула и бросила тяжёлый взгляд на рюкзак. Он был покрыт мерзостной массой лишь частично, но источал концентрированный запах, способный проникнуть в потаённые уголки сознания. Она коснулась ожога — того места, где несколько дней назад расползалась зараза, едва не превратившая её в одну из тварей.

В мысли ворвался образ плачущей девочки, навсегда въевшийся в сознание. Её голос, запах, взгляд — всё это стало щитом против любых проявлений человечности.

— Нет гарантии, что даже мельчайшая капля не заразит нас. Не превратит в них, — она бросила взгляд на повешенный за сухожилия труп, свисавший с уличной лампы.

— Это... страшно.

— Говори что хочешь, но не трогай сумку. Подойди ко мне.

Люцио послушался. Его обеспокоенная душа отражалась в красных глазах. Приблизившись к метке, он приковался к ней взглядом. Размазанная, ещё не до конца почерневшая кровь будила трагичные воспоминания, связанные с полицейским участком.

— Ты видел раньше этот рисунок?

— Нет, — выпучив глаза, ответил он. — Но я слышал о Железном Братстве. Отец хотел отвести меня к ним, но не успел.

— Не знаешь, где оно находится?

Мальчик отрицательно мотнул головой и прокашлялся, пытаясь очистить горло. Лицо корчило от невыносимого зловония, впивавшегося в ноздри едкой отравой. Ботинки, простояв несколько секунд, уже начинали прилипать к тёплой жиже. Нос Саманты, привыкший к смерти, переносил смрад легче, а её ноги, хоть и проваливались глубже, делали это с автоматической осторожностью, которой не было у маленького, храброго, но запуганного ребёнка. Она смотрела на него с щемящей жалостью, боясь его внезапных гневных или депрессивных порывов. Коротко бросила: «Пошли». Одно слово, ознаменовавшее продолжение опасного пути.

Они шли ещё около получаса, пока бледное солнце не начало сдаваться наступающему густому туману. Свет отступал без боя, уступая место молочной пелене, оставляя зону видимости в несколько шагов. Но даже в этом полумраке взгляды прорисовывали скрытую сущность пути. Уродская территория, раньше представлявшая собой хаос обломков и тлеющей бумаги, обретала чёткие, пугающие формы. Смердящая тропа вырисовывала страшные истины. Прямая дорога сменилась гнилыми лабиринтами, вымощенными не булыжником, а поплёскиваю-

щими во влажном воздухе человеческими костями. Дорога не просто пропиталась жижей — она стала слиянием активной угрозы с чем-то дремлющим, древним. Здания и остовы машин покрывал не дикий плющ, а нитеобразные, пульсирующие мясные узлы, сложенные в живой кишечный узел, обхвативший стены. При каждом шаге раздавался звук, похожий на трение множества гнилых ладоней, отбивающих гипнотический ритм.

Эти звуки наматывались на сознание Люцио, перерастая в удушающий цикл. Его состояние грозило превратиться в полное безумие — то самое, что обещало оставить на детской психике неизгладимые раны. Эта чужая экосистема вела напрямик к эпицентру тьмы. Люцио зажал ладонью ухо, другой рукой прикрыл глаза и сквозь щели между пальцами наблюдал за кошмаром.

Саманта переносила путь немногим легче. Но её сознание, закалённое в горниле ужаса, помогало удерживаться на краю срыва. Страх перед тьмой и неизведанным казался менее скверным, чем страх окончательно потерять человечность. А понятие человечности в этом мире сузилось до простой формулы: «кровавый долг». Долг перед Серафимой, а теперь и ответственность за Люцио — вот что не давало Саманте отпустить поводья рассудка.

Спустя несколько секунд движение обессиленного ребёнка прекратилось.

— Что с тобой?

Он остановился и безвольным мешком рухнул на мясистый, тёплый ковёр. Здесь был лишь однородный слой человеческой плоти, упругий и влажный, похожий на внутреннюю поверхность гигантской челюсти.

— Я не могу больше идти. Иди без меня! — проревел мальчик, и слёзы широкими потоками потекли по грязным щекам.

— Возьми себя в руки.

У ребёнка с силой вырвался рвотный рефлекс. Люцио склонился над пульсирующей плотью, тело сотрясали беззвучные рыдания. Он рыдал, уткнувшись в рукав, а маленькие руки судорожно сжимали и разжимали скользкую плоть. Та отвечала слабыми, ритмичными колебаниями, будто дремлющий организм осознал присутствие чужаков.

Саманта сама была на грани срыва. Солёные слёзы накатились на глаза, перетекая через острый ожог. Этот ожог стал уже не просто клеймом на когда-то прекрасном лице — он был живым доказательством её воли к жизни, выжженным клеймом выживания.

Она склонилась над плачущим мальчиком и осторожно коснулась его пылающей щеки. В этом жесте материнский инстинкт начал перевешивать холодный расчёт. Окаменевшие глаза, источавшие слёзы, залились искренней болью. Болью, что пронзает внутренности, не оставляя безопасного угла, кроме одного островка — пылающего сердца, которое продолжает качать остатки энергии для следующего шага.

Женщина обняла мальчика дрожащими руками. Это лёгкое движение породило в её душе гремучую смесь внезапной заботы и старого хладнокровия.

— Люцио... ты должен встать. Я не брошу тебя. Не позволю умереть здесь. — она прижала к себе его огненное тельце.

Ребёнок молчал, сгорая от стыда за свою слабость. Его истерика выливалась лишь в безостановочный плач и конвульсивные подёргивания плеч. Он впивался пальцами в мясистый ковёр, растягивая плоть, отчего раздавался омерзительный чавкающий звук.

— Я не могу идти дальше! — всхлипнул он.

— Можешь! Не оставляй меня одну!

Девушка обхватила его стальной хваткой и с силой приподняла. Сквозь одежду она ощущала дикий, нечеловеческий страх мальчика. Спустя несколько попыток, когда мышцы закричали от боли, ей удалось поставить его на ноги. Их бессильные шаги продолжились.

Саманта шла, почти волоча Люцио за собой. Её тело пульсировало адреналином и страхом, нагреваясь до нездоровой температуры. Боль в ожоге с удвоенной силой отдавалась в ста-

рой ране, а оттуда растекалась по всему телу. Дорога становилась суровее. В складках мясистого покрывала замелькали огромные зелёные яйца, покрытые липкой слизью. В диаметре больше метра, сквозь тонкие стенки угадывались движущиеся тени. Саманта отводила глаза, чувствуя на себе тяжёлый, оценивающий взгляд незримого присутствия.

Плач Люцио затихал, сменяясь тихими всхлипами. На лице расплзлась мертвенная бледность. Этот опыт показал ему: детское сознание не способно выдерживать такое. Но, возможно, он мог бы перетерпеть. Его красные глаза, покрытые паутиной слёз, угасали, теряя огонь. Это была не предсмертная бледность — а полный упадок сил. Саманта и сама готова была рухнуть, если бы не две роковые миссии, дававшие последние силы. Она машинально утешала Люцио шёпотом: «Всё хорошо... Угрозы нет, мы в безопасности». Эти лживые слова были обращены к мальчику, но произнося их, она пыталась обмануть и себя.

Так они шагали, проваливаясь и спотыкаясь, пока последние капли сил не иссякли. Это случилось в тот миг, когда в затуманенных глазах Саманты прорисовалось очертание огромного здания.

Оно было чудовищно большим, верхние этажи терялись в серой пелене. Туманный воздух мешал разглядеть детали. В мокром, оплетённом живой тканью строении не просматривалось признаков жизни. Фундамент трещал и стонал, готовый сложиться под грудой биологического щебня. Окна зарастали изнутри биологической плотью, превращаясь в жуткие пульсирующие решётки.

Она отступила с бесчувственным ребёнком и вгляделась в зловещую структуру. Туман раздувал масштабы строения до небес. Выщербленные камни у входа говорили о полном запустении. Взгляд Саманты упал на выбитую дверь, оторвавшуюся от петель и наполовину проросшую мясной тканью. Она перевела взгляд с бледного лица Люцио на зияющий чёрный вход.

Продумав рискованный выбор, Саманта, крепче прижимая усталое тело ребёнка, шагнула к зияющему проёму.

Внутри царила не просто разруха, а замершая смерть. Из последних сил она бережно уложила Люцио на мусор и стала осматриваться. «Надо перекрыть вход», — прошептала она, скользя взглядом по обломкам. Внимание привлёк старый, разохшийся шкаф. Большой, но, судя по всему, не слишком тяжёлый.

Превозмогая усталость, она принялась за работу. Каждое движение превращалось в пытку, но упрямая воля гнала вперёд. После нескольких минут борьбы шкаф с глухим скрежетом встал вплотную к дверной раме. Отдышавшись, она приступила к следующей задаче — разжечь огонь.

Женщина огляделась. Кроме шкафа и пары обломков, в прихожей не было ничего. Из ресурсов — только фонарик, стилет да пустая фляга. В рюкзаке Люцио она нащупала пустые банки с маленькими консервными ножами. Аккуратно вытряхнула их, отложила ножи, а банки сложила в подобие очага.

Взгляд упал на трёхногий стул, четвёртая ножка которого срослась с выползшим сквозь пол гнилым мясом. Саманта подошла к нему, вытащила стилет и приставила остриё к основанию уцелевшей ножки. Методично, с нажимом пилить тупой стороной лезвия. Звук вгрызающегося в сухую древесину металла и запах пыли воспринимались воспалённым сознанием как грёза из другого мира. Бессознательный Люцио от скрежета начал метаться и стонать, его тело пронзали судороги от холода.

Когда раздался последний сухой хруст, Саманта надломила отпиленную часть. Собрала горсть сухой стружки и уложила в центр очага. Самым сложным шагом должно было стать высечение искры.

Она лихорадочно перебирала банки, соскребая со стенок остатки рыбного масла. Аккуратно, по капле, переливала вязкую жидкость на стружку. Масло впиталось в древесину. Затем, взяв ножку стула, она принялась строгать крупные щепки и уложила их поверх промаслен-

ной стружки шалашиком. «Нужно что-то, чтобы высечь искру», — выдохнула она, осматривая пространство. Взгляд зацепился за мелкие тёмные камешки в углу. Большая часть была поглощена сырой плотью, торча наружу лишь острыми верхушками.

Осколки напоминали по структуре кремь. Она приставила лезвие стилета, одним точным движением подцепила и срезала мешающий кусок ткани, вытащила камень наружу. Зловонная экосистема вздрогнула слабой рябью, ощутив локальную боль.

С камнем в одной руке и стилетом в другой, она вернулась к очагу. Присев на корточки, стала методично тереть камень о стальное ребро клинка. Быстрые, ритмичные движения рождали резкий скрежет. В воздухе запахло гарью. Искры высекались редко, жалкими вспышками, и гасли. Обессиленная, с трясущимися руками, Саманта продолжала давить и тереть. Сильное сжатие привело к острой боли, на коже выступил синяк.

Но она не останавливалась. Такими темпами она продолжала трение, пока один крошечный, упрямый огонёк не упал прямиком в лужу масла. Случилось чудо — с тихим шушуканьем потянулась тонкая струйка дыма. Саманта пригнулась и сложила губы трубочкой, короткими сильными выдохами раздувая угольки. Пламя, скупое и голодное, медленно перекидывалось на щепки, но не выходило за пределы банок, будто боясь коснуться живой плоти.

Пламя наполнило помещение неровным светом и теплом. Саманта подползла к Люцио и приложила пальцы к шее. Пульс частый и слабый, голова лихорадочно горячая, руки ледяные. Она бережно подтащила его к огню и усадила, прислонив к стене, а сама опустила рядом, закрыв глаза.

Она просидела так около двух часов. Обмякшее тело немного пришло в себя, в мышцы вернулась тень силы. Но каждая минута отдыха оплачивалась новой порцией боли. Физически она была здесь, с Люцио, но мысли — там, с угасающей Серафимой. Состояние обоих давило на грудь тяжёлым ядром.

Пока девушка сидела, уставившись в дверцу шкафа, состояние мальчика понемногу менялось. Ледяные пальцы теплели, судорожные движения затихали, сменяясь глубоким сном. Бессвязный бред уступал место коротким, бессмысленным словам.

Саманта подходила к нему бесщётное количество раз. При каждом подходе поправляла жалкое одеяло — импровизацию из рюкзаков и грязной тряпки.

После нескольких таких циклов паника рассеялась, уступая привычной усталости. Взгляд всё чаще возвращался к шкафу. Сквозь узкую щель между дверцами она заметила странное белое свечение — будто что-то внутри отражало свет костра с фарфоровой яркостью.

Это открытие поселило в душе трепетное желание познания. Она резко вскочила и метнулась к стилету. Ей почудилось, будто тень метнулась за мутным стеклом дверцы. Скрипучая дверца слабо дрогнула.

Осторожно, кончиком клинка, она приоткрыла дверцу. Перед взором предстала стопка аккуратно сложенной белой ткани — несколько больничных халатов и простых платьев. Больше ничего. Чистая, почти стерильная ткань соседствовала с грязью и разрухой, создавая разительный контраст. Пламя костра, играя на складках, придавало белизне зловещие переливающиеся тени.

В этих таинственных переливах мысли начали путаться, теряя связность. Тревога, долг, усталость — всё растворялось в мерцающей игре света и тени. В сознании осталась лишь одна точка ледяной ясности: «Каким образом эта одежда оказалась здесь?»

Она впиалась взглядом в складки. Платья и халаты были чистыми, сложенными с параноидальной аккуратностью. На них не было пыли. Это не было случайной находкой. Это было припрятано.

Внутренний голос зазвучал отчётливо и холодно. Рюкзаки, костёр, разбитая мебель — всё говорило о хаосе. А эта стопка белья — о порядке, предвидении, приготовлении. Она

вспомнила запах антисептика, скрип чистых полов — обрывки старого мира, который, как она думала, канул в лету.

«Неужели это и есть...» — мысль оборвалась, наткнувшись на ужас назвать вещи своими именами. Логика вела к единственному выводу: план.

— ...знак, — наконец прошептала она, подводя черту. Но слово не принесло облегчения. Оно распахнуло дверь в новую бездну вопросов. Знак надежды или ловушки?

Она медленно отступила, не сводя с шкафа широких, полных ужаса глаз. Белые тряпки стали свидетельством. Молчаливым намёком на то, что их укрытие — не тайна. Что их изоляция — иллюзия. И тишина наполнилась возможностью чужих шагов за дверью, которую так надёжно держал старый шкаф.

— Эта больница Смита!

Её охватила презрительная ясность. Она перевела взгляд на спящего Люцио. Его лицо, озарённое костром, выглядело здоровее. Ей вдруг показалось, что этот едва знакомый мальчик — её единственный компас. В его незащитности заключалась вся её оставшаяся человечность.

— Если я права, эта комната — только начало, — прошептала она.

Она взяла халаты и быстро уложила в рюкзак. Все, кроме одного. Короткое платьице она оставила в руках, сжимая мозолистыми пальцами. Оно ощущалось не как ресурс. Оно ощущалось как сообщение. Белая ярость сжалась в груди горячим комом.

Одним резким движением ткань разорвалась с тихим хрустом, превратившись в бессмысленные лоскуты. Только после этого она немного выдохнула. Достала флягу, смочила водой один обрывок и провела по лицу, будто пытаясь стереть чужой, незримый взгляд.

Завязав мокрую тряпку узлом, она осторожно положила её на лоб спящего ребёнка. Наклонилась над ним — в позе проступило неуловимо материнское. Затем выпрямилась.

Она переводила взгляд с пылающего костра на запертую дверь. Внимание зацепилось за массивный деревянный стол, придвинутый к стене и перекрытый напольной плитой. Стол таил чуждую тайну. Особое внимание привлекла осыпавшаяся штукатурка вокруг него — белая пыль располагалась на уровне столешницы и дугой уходила вглубь, будто что-то из-за стены долго и методично выталкивало её.

Саманта подошла к столу, упёрлась плечом и с усилием сдвинула его. Деревянный скрежет слился с чавкающим ритмом ковра, создавая богохульную мелодию. Эти звуки уже не вызывали отвращения. Вскоре стол обосновался на новом месте.

Тайна раскрылась: за ним обнажился узкий проход в стене, достаточный для человека. В проходе торчали ржавые штыри и зазубренные концы арматуры — гарантированное заражение для неосторожного лазутчика.

Но физические трудности больше не сковывали Саманту. Она смотрела на тёмный лаз с фанатичным желанием протиснуться. Мысли о спасении Серафимы ставили её в абсурдное положение.

Она снова посмотрела на Люцио — потрогала прохладный, влажный лоб: лихорадка отступала. Затем оценила защищённость помещения. В ней пылала иррациональная уверенность, сродни опасному тщеславию.

Саманта выложила пустую флягу, оставив в рюкзаке лишь свёрток с одеждой и несколько пустых банок. В привычную руку взяла массивный револьвер Серафимы — пальцы непривычно, но твёрдо обхватили рукоять. Закрыв сумку, она протолкнула её перед собой в мерцающий провал прохода.

Уверенная в относительной безопасности Люцио, женщина бросила на его спящую фигуру последний полный немой жалости взгляд и сделала шаг назад.

— Я обязательно вернусь, малыш, — тихо, но бесповоротно изрекла она, сунув стилет за пояс, а револьвер — в глубокий карман.

Она вздрогнула — не от страха, а от последнего толчка воли — и, залезши в узкое отверстие, начала карабкаться вперёд, в непроглядную темень. Оставляя позади единственное по настоящему дорогое, что у неё ещё оставалось в этом мире.

Металл во тьме

Спустя несколько часов непрерывного, неровного тления костёр окончательно потерял свою былую силу, потухая всё быстрее. Пламя, ещё недавно яростно плясавшее, съёжилось до призрачного оранжевого язычка, а затем и до горстки багровых, угасающих углей. Воздух в помещении, лишённый живого тепла, снова сгушался в пронизывающий холод, окутывая комнату морозным саваном и тяжёлым духом преждевременного погребения.

Люцио спал долгим, беспробудным сном, больше похожим на глубокое забытьё. Его распластанное тело выглядело не просто беспомощным — оно казалось настолько хрупким и жалким, что не оставляло даже призрачной надежды на самостоятельное выживание. Долгое время его состояние напоминало кому, из которой, казалось, уже не было выхода.

Лишь изредка, на самое короткое, мучительное мгновение, он приоткрывал красные, отяжелевшие веки, и в его взгляде, туманном и неосознанном, мелькало немое удивление собственной беспомощности. Он не видел комнаты, не видел угасающих углей — пустой, невидящий взгляд просто упирался в потолок, в изогнутую, покрытую копотью люстру, будто пытаясь разгадать в её расплывчатых очертаниях ответ на невысказанный детский вопрос.

В эти редкие мгновения ясности помутневшее сознание совершало отчаянные попытки собрать воедино обрывки окружающего пространства. Но каждый вздох, каждый слабый звук собственного тела заставлял его внутренне цепенеть от непонятного страха. Единственные возможные движения — слабые, скованные повороты головы — лишь усиливали головокружение и чувство полной оторванности от реальности. И тогда, не в силах вынести это смутное, давящее осознание, веки вновь тяжело смыкались, а сознание с облегчением пускалось в новые, хаотичные и бессвязные сны, где не было ни холода, ни слабости.

Но пробуждение было лишь делом времени, медленного и неотвратимого, как сочащаясь сквозь пальцы вода. И прервало этот тягучий поток не тишина, а удар. Эхо тяжёлых, размеренных выстрелов, доносившееся из глубин здания, врезалось в сознание с невероятной, физически осязаемой силой. Эти чуждые, отчётливые хлопки нарастали, становясь всё ближе и неумолимее, пока их отзвук не начал буквально вибрировать в стенах комнаты, наполняя замкнутое пространство гулкой, металлической угрозой.

Но в затуманенном болью и страхом разуме мальчика произошла странная трансформация. Восприятие, искажённое инстинктом, перепланировало угрозу во что-то иное. Это были уже не просто выстрелы — для Люцио они стали сигналом. Навязчивым, непререкаемым набатом, способным поднять даже из самой глубокой пропасти забытья. Этот звук будил одно, примитивное желание: вопреки боли, вопреки самому факту осквернённого мира, цепляться за жизнь. И в этом слепом, яростном порыве — с тенью безумной, детской надежды — пытаться удержать рядом призраков тех, кого, быть может, спасти было уже невозможно.

С такими ощущениями Люцио вскоре начал полностью приходить в чувство. Обездвиженное, стазисное состояние потихоньку сменялось естественной хладнокровностью и осознанностью. Красные глаза вновь наполнялись привычным кровавым оттенком, а мокрые виски пронизывала прохлада.

Первым делом, едва обретя контроль над телом, он начал осматривать территорию. Тёплыми, уже послушными пальцами отклеил со лба прилипшую влажную тряпку и, прислушавшись к гулкой тишине, позвал:

— Саманта?

Голос прозвучал хрипло, но в нём не было прежней паники. Всё существо вновь сжалось от страха, но на этот раз иного — острее и сложнее. Страх не только за себя. Страх за неё.

На полу, у самого края тлеющего, почти угасшего костра, взгляд выхватил знакомый предмет — синюю, уже успевшую стать роковой, шестигранную отвёртку. Это открытие, как удар, всколыхнуло волну полного непонимания. Где он?

В потухающих искрах огня вспыхнуло и погасло другое воспоминание — ослепительно яркое и болезненное: полицейский участок. Запах страха, пороха и... отца. Вместе с этим образом наружу вырвалась его главная, до сих пор кровоточащая трагедия, обнажив перед ним всю хрупкость и жестокость этого мира.

Мгновение он стоял, парализованный прошлым. Затем сознание, как щелчок, переключилось на настоящее. Взгляд медленно перешёл с плотно запертой шкафом двери на зияющий в стене проход, обрамлённый осколками штукатурки.

«Она же... не могла меня оставить», — тихо, на одном выдохе, прошептал он. И в этой фразе звучало не детское нытьё, а холодное, горькое неверие самой страшной истине.

Мысль вспыхнула внезапно и яростно, как химическая реакция, не оставив времени на сомнения. Он схватил её, как утопающий — соломинку, и мгновенно, безоговорочно принял за единственную правду. Нейроны мозга, словно залитые кислотой, начали вырабатывать не просто страх, а твёрдую, кристаллизующуюся ненависть. Она выжигала здравый смысл, окрашивая всё восприятие в ядовитые, подозрительные тона.

Сорвавшись с места, мальчик заметался по комнате быстрыми, нервными шагами. Перешагнув через тлеющую грудку углей, споткнулся о свой же рюкзак, едва не упав, но не остановился. Его влекло к зияющему проходу — той густой, мерцающей в такт угасающему огню тьме, что манила, словно чёрная дыра, обещая ответы или окончательную погибель. Каждый новый приглушённый выстрел заставлял сердце взрываться бешеным стуком, сгущая кровь в жилах до состояния тяжёлого свинца.

Перемещаясь по скользкому, живому ковру, его взгляд, острый как скальпель, выхватывал детали. Вот она — синяя отвёртка, валяющаяся в стороне, на ней алели свежие пятна крови. Но сознание, уже работавшее в режиме холодной, почти параноидальной логики, зафиксировало отсутствие. Не было её рюкзака. И не было блеска стилета. Пустота на том месте, где они должны были лежать, кричала громче любого выстрела.

Тьма в глубине прохода словно обещала увлечь его за собой — проволочить сквозь все немыслимые тайны, что таились в недрах этого нечестивого здания. Монотонными, почти ослабленными движениями он попятился к тёмному отверстию и сунул туда голову. Его тянула не просто тьма — мысль о том, что она могла уйти именно сюда, что где-то там, в этой чёрной глотке, он найдёт если не её, то хотя бы след.

Замер на мгновение, пригнувшись над провалом, ощущая на лице зловонное дыхание подземелья. Но уже в следующее мгновение отступил, вернувшись на свой пост — к стене, что служила укрытием последние часы. Он вернулся не от страха. Его действия были лишены паники. Одним резким движением подобрал с пола отвёртку, сжал в кулаке до побеления костяшек и, зажмурившись, двинулся вперёд. Он начал ползти по узкой, скользкой норе, каждым движением ощущая под собой дрожь живой плоти, стараясь не напороться на торчащие из темноты ржавые клыки арматуры.

Люцио полз по узкому, осыпающемуся бетонной крошкой тоннелю, подавляя рвущиеся наружу звуки — короткие, прерывистые всхлипы, больше похожие на животный страх, чем на плач. Когда он, цепляясь локтями и коленями, переполз через последний прут, взгляд зацепился за него. На тусклом металле алела свежая, ещё не успевшая почернеть кровь. И одна капля, тяжёлая и тёплая, сорвалась и упала прямо на руку.

В этот момент глубинный страх мальчика начал мутировать, приобретая новый, доселе неизведанный и оттого ещё более жуткий оттенок. Давящая клаустрофобия, туманившая сознание, заиграла новыми красками и начала физически приковываться к внутренностям, сжимая лёгкие и на миг полностью сковывая дыхание.

Собрав волю в тугой комок, преодолевая ужас, ребёнок сделал последний отчаянный рывок. Потерял равновесие и рухнул вперёд, вывалившись из тоннеля на тёплый, странно упругий пол. Проход, извивавшийся, как змеиная нора, остался позади. Но то, что открылось взору теперь, заставило забыть и о тесноте, и о страхе, и о свежей крови на арматуре.

В этой полутёмной красе исподволь, настойчиво проглядывали иные аморальные прелести. Пол, покрытый вымощенными полурастерзанными телами, от края до края шевелился и бился в едином, отчаянном ритме конвульсий. Люцио уже знал этот образ до мельчайших деталей — стекающую по разодранной плоти жидкость, отчаянно искрящиеся в момент повторной смерти глаза, призрачное движение губ, пытающихся сложиться в последний крик. Но сам этот обезображенный вид уже не вызывал животного страха. Гораздо сильнее пугала теперь тишина и та пульсирующая тьма, что таилась за этим мёртвым движением.

До хруста сжав рукоятку отвёртки, он сделал первый осторожный шаг, потом второй, начиная продвижение по сумеречной территории. Грань между сложным страхом и метафизическим ужасом была теперь не линией, а целой трясиной, и он погружался в неё глубже с каждым мгновением. Каждый новый шаг по скользкому, живому полу усиливал неконтролируемый гнев и яростное отчаяние в груди ослабленного ребёнка, лишь полчаса назад пришедшего в чувства и уже тонущего в новом, бесконечно более чудовищном кошмаре.

Люцио ступал по пульсирующему полу с какой-то смутной, почти необъяснимой надеждой. Она была двойственной. Остриё её указывало на Саманту — он должен был найти её. Но тупая изнанка, отлитая из его же понятий о чести, нашёптывала, что она могла бессовестно покинуть его, испугавшись его слабости. Эта мысль горела внутри тусклым, ядовитым углём.

Пока мальчик пробирался вперёд, взгляд начал различать в полумраке огромные паучьи коконы, свисающие с тёмного потолка. Их внутренности не были запечатаны — они зияли полностью открытой, влажной щелью, из которой медленно стекала зелёная жидкость. Рядом с одной из деформированных дверей заметил ещё один труп — но не обычный. Его выколотые глазницы струились неясным, чудовищно живым огнём. Руки, тело, голова были обездвижены в последней судороге, сама туша плотно прикована к стене. Смерть здесь поработала с особым старанием. Тело было в нескольких ключевых точках пригвождено к каменной плоти длинными ритуальными ножами. Застывшее положение туши, распостёртой в виде креста, представляло собой жуткое подобие антихриста — пародию на распятие, лишённую всякой святости и наполненную одной лишь немой пыткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.